
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

I.

ДВѢ РУКОПИСИ.

ПОВѢСТЬ

А. И. Бибиковой.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Года три тому назадъ, въ теплый майскій день я проходилъ Лѣтнимъ садомъ, наслаждаясь отблескомъ солнечныхъ лучей, давно и тщетно ожиданныхъ петербургскими горожанами. На деревьяхъ щебетали птицы; по окраинамъ аллей кое-гдѣ начинала пробиваться травка самой яркой зелени. Я остановился за рѣшеткою сада, со стороны Цѣпнаго моста. Въ воздухѣ разливалась весенняя нѣга; все приглашало душу къ принятію сладкихъ впечатлѣній, и одно изъ нихъ, для насъ, мужчинъ, самое пріятное—видъ красивой женщины, уже начало останавливать мое вниманіе. Хотя я не могъ разглядѣть лица ея, наклоненнаго къ землѣ и прикрытаго маленькою вуалью, но при настроеніи моего духа, всякая женщина показалась бы мнѣ красавицей. Незнакомка подходила ко мнѣ наклонившись, какъ будто чего-то искала на тротуарѣ, на которомъ я стоялъ въ нѣмомъ созерцаніи. Я рѣшился заговорить съ нею.

— Вы вѣрно что нибудь обронили, сударыня? сказалъ я. Отвѣта не было. Дама шла по направленію къ мосту, продолжая что-то искать.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ въ вашихъ поискахъ, продолжалъ я, стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Благодарю покорно, я поищу и одна, безъ вашей помощи, сказала она такимъ тономъ, что при другомъ настроеніи моихъ чувствъ я оставилъ бы ее въ покоѣ, чтобъ не терять времени по пустому... а тутъ птицы такъ и заливаются...

— Однако, сказалъ я, не отставая отъ дамы ни на шагъ, вдвоемъ съ вами мы скорѣе бы нашли; и я сдѣлалъ нарочно удареніе на «съ вами.»

Дама мгновенно остановилась и посмотрѣла мнѣ смѣло въ глаза съ вопросительнымъ взглядомъ, ясно выразившимъ: «отвяжетесь ли вы отъ меня?» Я не хотѣлъ поминать этого взгляда и, помолчавъ немного, снова продолжалъ разговоръ, между тѣмъ, какъ дама уже ступила на мостъ.

— Что вы потеряли, сударыня? скажите мнѣ, пожалуйста, почему не угодно вамъ принять отъ меня услуги?

— Потому что *мнѣ угодно* обойтись безъ нея; и дама сдѣлала удареніе на слова «мнѣ угодно.» Она перешла мостъ и пошла прямо, все продолжая глядѣть себѣ подъ ноги очень пристально. Я было отсталъ отъ нее, но снова нагнавъ, заговорилъ:

— Напрасно вы отвергаете мою помощь... Едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ незнакомка остановилась и снова бросила на меня взглядъ полный негодованія, который передать словами невозможно! Она помолчала немного, какъ будто сбираясь съ мыслями, чтобъ поразить меня сильнѣе, и надо признаться, это ей удалось вполнѣ.

— Неужели вы думаете, сказала она съ самой злой ироніей и протяжно, какъ говоритъ Рашель: неужели вы думаете, что при вашей физіономіи васъ уже и отвергнуть нельзя?.. Купите себѣ зеркало! прибавила она быстро и направилась въ Моховую.

У меня опустились руки; я не на шутку разсердился и стоялъ на углу тротуара, какъ будто пораженный громомъ. Мало по малу я сталъ размышлять о своемъ приключеніи: «Ужъ какъ будто я такъ дуренъ, что меня, хотя иносказательно, но все таки могутъ называть уродомъ?.. Кто же далъ право этой барынѣ такъ рѣзко высказаться?» спрашивалъ я самъ себя, забывъ свою привязчивость и поводъ даннаго мнѣ урока. Самолюбіе мое напомнило мнѣ, что бѣдная дама, вѣроятно, была сильно огорчена своею потерею. Къ этому обстоятельству я отнесъ ея неблаговоленіе ко

мнѣ и побрелъ назадъ тихимъ шагомъ, все болѣе и болѣе думая о своемъ приключеніи и вспоминая малѣйшія его подробности. Дама имѣла правильныя черты лица, бойкій и смѣлый взглядъ, и вообще произвела на меня одно изъ тѣхъ впечатлѣній, въ которыхъ сердце рѣдко даетъ себѣ отчетъ въ первое мгновеніе. Какъ жаль, что я встрѣтился съ нею въ такую непріятную минуту ея жизни. Кто не знаетъ, что потерять что бы-то ни было, вообще очень непріятно, а можетъ быть, она потеряла цѣнную вещь, а что еще того хуже, чужую вещь? Это уже мучительно! И мало по малу, мое воображеніе начало меня мирить съ незнакомкою и съ ея фразою: «купите себѣ зеркало!» то есть, другими словами: извольте лично убѣдиться, что съ вашей физіономіей, и проч...

Вдругъ, посреди подобныхъ размышленій, два мальчика выбѣжали изъ мелочной лавки, и, борясь между собою, чуть не сбили меня съ ногъ. Одинъ изъ нихъ держалъ подъ мышкой большую исписанную тетрадь in folio, а другою рукою отнималъ такую же у своего товарища.

— Эй, Гаврюшка, отдай! кричалъ одинъ изъ борющихся.

— Анъ не дамъ, не дамъ, чучело ты этакое! вишь озарникъ какой, мало тебѣ одной тетрадки, такъ нѣтъ, подай обѣ.

— Да вѣдь я ихъ нашелъ, а не ты, образина ты этакая.

И бойцы продолжали бороться. Слово «нашелъ» навело меня на мысль о потерѣ моей незнакомки.

— Что вы нашли тутъ, пострелята? закричалъ я грозно дерущимся.

— Да вотъ что, сказалъ, не выпуская изъ рукъ тетради, тотъ, котораго назвали Гаврюшкой. Я увидѣлъ какой-то свертокъ и говорю Кирюшкѣ: смотри-ко, эвоно что на улицу-то съ панели покатилось, а Кирюшка и бросился со всѣхъ ногъ да и поднялъ мою находку. Онъ было не отдавать мнѣ, да ужъ идучи вмѣстѣ, мы порѣшили дѣлить находку пополамъ, а какъ развернули обвертку-то, такъ и увидѣли въ ней какія-то двѣ написанныя тетрадищи.

— Такъ ты и сказалъ, подхватилъ Кирюшка «эка дрянь, я думалъ, что это что нибудь хорошее,» вотъ я ихъ и взялъ себѣ, да нелегкая дернула меня проболтаться, что я продамъ ихъ въ табачную, хошь не за деньги, такъ за маковники да леденцы; Гаврюшка и сталъ отнимать ихъ у меня, а прежде было отказался.

— Да и отниму таки, сказалъ Гаврюшка и потянулъ снова тетрадь къ себѣ.

Борьба на минуту прерванная, снова началась еще съ большимъ ожесточеніемъ. «Что, если эти тетради принадлежатъ моей незнакомкѣ,» подумалъ я и рѣшился овладѣть ими, во что бы то ни стало. Но вдругъ драка мальчишекъ дошла до высшаго пароксизма. Кирюшка хватилъ Гаврюшку такъ мѣтко въ глазъ, что тотъ отшатнувшись, рванулъ тетрадь, нѣсколько листовъ остались у него въ рукахъ и онъ съ ними бросился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Кирюшка хотѣлъ было броситься за нимъ въ догонку, однако я твердою рукою удержалъ его, между тѣмъ, какъ Гаврюшка въ одно мгновеніе скрылся изъ виду.

— Я куплю у тебя твою находку, сказалъ я ему.

— Изволь, баринъ, мнѣ все равно, кому ни продать, да вишь ты, баринъ, эвто рыло, Гаврюшка, отхватилъ маленько.

— Ну, что дѣлать, давай ихъ мнѣ въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, да нельзя ли отнять и выхваченные листки у Гаврюшки?

— Ну, нѣтъ, баринъ, на это дѣло теперь ужъ не гораздъ; это такой озарникъ, что съ нимъ не совладаешь, онъ скорѣе въ воду броситъ, чѣмъ отдастъ; да его же теперь и съ собаками не отыщешь.

— А ты не знаешь, гдѣ онъ живетъ? спросилъ я, перебирая тетрадь и расправляя помятые и скомканные листы.

— Нѣтъ, баринъ, не знаю; онъ приходитъ по праздникамъ къ лоткамъ съ орѣхами да яблоками, балуется на мосту, какъ экипажи проѣздомъ мостъ колышатъ, качается на перилахъ да поплевываетъ въ воду. Видать-то я его здѣсь видывалъ не разъ, а знать гдѣ живетъ, воръ онъ этакой, не знаю.

— Ну, вотъ что, Кирюшка, коли ты его завидишь, то вымани у него оторванные листы, даже заплати ему, если нужно, я отдамъ тебѣ вдвое, втрое, чего они тебѣ стоить будутъ.

— Хорошо, баринъ, попробую, да наврядъ ли удастся: онъ ихъ, пожалуй, сгубитъ тотчасъ же, вѣдь мазура такой!

— Ну, можетъ быть и не сгубитъ. Да гдѣ же я тебя увижу, когда мнѣ вздумается навѣдаться?

— А вотъ въ эвтой лавкѣ, баринъ, тутъ меня спрошайте, я въ ней нанимаюсь въ подмогу прикащику Василью. Такъ и спросите Кирюшку.

Я заплатилъ Кирюшкѣ рубль серебромъ за обѣ найденныя имъ

тетради; онъ чуть не повалился мнѣ въ ноги отъ радости, и я направилъ шаги свои въ Лѣтній садъ, и на первой попавшейся мнѣ скамейкѣ, сталъ разсматривать мое пріобрѣтеніе. Обѣ тетради были писаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Не знаю почему, этотъ размашистый, смѣлый, болѣе мужской, чѣмъ женскій почеркъ я примѣнялъ къ смѣлому, бойкому взгляду моей незнакомки и находилъ въ нихъ какое-то тождество. Мнѣ не разъ случалось по почерку незнакомаго мнѣ человѣка составлять себѣ идею о его свойствахъ, и не помню, чтобъ примѣненія мои не оправдывались при дальнѣйшей повѣркѣ. Уже по одному почерку я почти увѣренъ былъ, что эти тетради исписала ручка моей незнакомки!.. Тетради были очень толсты и составляли двѣ совершенно отдѣльныя рукописи. Каждая изъ нихъ была сшита краснымъ шелкомъ, и на оберткѣ каждой написанъ былъ нумеръ крупными буквами. Я бережно завернулъ свою находку въ носовой платокъ и принесъ ее домой. Чтеніе этихъ двухъ рукописей доставило мнѣ большое удовольствіе. Но точно ли онѣ принадлежали моей незнакомкѣ, мнѣ этого никто не могъ сказать положительно. Былъ ли сюжетъ этихъ рукописей вымыселъ, или настоящая исторія, я предоставляю читателю рѣшить самому. Я представляю рукописи, не измѣнивъ ихъ ни въ единомъ словѣ. Вырванныхъ листовъ разбойникомъ Гаврюшкой недоставало только въ рукописи подъ нумеромъ 2; рукопись нумеръ 1-й была совершенно цѣла. Много ли было вырванныхъ листовъ, неизвѣстно; листы разорванной тетради были не нумерованы.

Долгое время я постоянно, въ извѣстный часъ, гулялъ по мѣсту, гдѣ встрѣтился съ незнакомкой, чтобъ спросить, не ей ли принадлежатъ найденныя рукописи, но не встрѣтилъ ее ни разу болѣе. Я посѣщалъ всѣ публичныя гулянья, бывалъ въ особенности часто въ театрахъ, такъ какъ я изъ рукописи подъ № 2-мъ узналъ, что писавшая ее, любила страстно зрѣлища. Вскорѣ послѣ своей находки я не упустилъ изъ виду сдѣлать объявленіе въ вѣдомостяхъ, что нашелъ двѣ рукописи, завернутыя въ бумагу, у Лѣтняго сада, и назначалъ явиться за ними въ извѣстную кандитерскую, гдѣ было мною сдѣлано по сему предмету надлежащее распоряженіе, но все было напрасно. Тяготясь моимъ пріобрѣтеніемъ, я рѣшился наконецъ подѣлиться его содержаніемъ съ читателями. Удерживаюсь отъ всякаго критическаго разбора моихъ рукописей. Я могу быть въ этомъ дѣлѣ пристрастенъ. Образъ незнакомки еще такъ живо рисуется предъ моими глазами, и те-

перь, какъ тогда, я чувствую къ ней какое-то непреодолимое влеченіе, или симпатію—родъ недуга, какъ говоритъ Репетиловъ. Еслибъ необходимо было дать какое нибудь названіе представляемымъ мною рукописямъ, я назвалъ бы ихъ: «**БРАКИ ПО РАСЧЕТУ**», *романъ нравоописательный.*

Я забылъ сказать, что хотя у меня и были зеркала, но по совѣту незнакомки, я купилъ еще одно, которое бѣситъ меня чрезвычайно, оно дѣлаетъ меня гораздо менѣе дурнымъ, чѣмъ я ей показался. Вотъ вся польза, которую я пріобрѣлъ отъ совѣта незнакомки.

—

РУКОПИСЬ № 1.

I.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ Арсеній, что вы ужъ тамъ ни говорите, а я поставлю на своемъ! Я васъ очень, очень уважаю, а ужъ въ этомъ случаѣ, вы меня извините. Замучили моего Петю науками, свели его въ гробъ, такъ ужъ Костю моего я сберегу, и не отдамъ никому.

— Но, сударыня, Анна Львовна, подумайте: мы живемъ въ такое время, когда неучемъ быть стыдно, особенно въ вашемъ званіи.

— Да, потому что я бригадирша, что у меня чистыхъ, не заложенныхъ пятьдесятъ девять душъ, я и хочу, чтобъ единственнаго моего сына, Константина, не мучили всяческими премудростями. Слава Богу! онъ не такъ бѣденъ, чтобъ ему безъ наукъ и головы преклонить было некуда; да и званіе не шуточное: сынъ бригадирши Перской!.. Оно не совсѣмъ-то просто, сынъ бри-га-дир-ши! Вотъ что-съ!

Анна Львовна имѣла привычку произносить чинъ свой медленно, протяжно, съ удареніемъ на буквы р, съ величіемъ и самодовольствомъ во взорѣ, въ голосѣ и въ движеніи головы.

Отецъ Арсеній снова началъ защищать пользу наукъ противъ зла невѣжества, взглядывая по-временамъ съ какимъ-то состраданіемъ на тринадцатилѣтняго бѣлокураго мальчика съ голубыми, большими глазами и съ чертами рано развитаго, мужественнаго лица.

Мальчикъ сидѣлъ поодаль отъ матери, очень тучной шестидесятилѣтней женщины, потѣвшей за разлитіемъ вечерняго чая,

которымъ она угощала своего сельскаго священника. Это было въ 1774 г., во время царствованіи Екатерины II. Отецъ Арсеній обучалъ сыновей Анны Львовны, по словамъ которой, старшій, Петя, умеръ ни отчего болѣе, какъ отъ наукъ.

— Да-съ, батюшка, отецъ Арсеній, извольте-ко припомнить, снова начала Анна Львовна: Петя сталъ учиться десяти лѣтъ. Эй, рано! говорила я вамъ, а вы мнѣ все одно въ отвѣтъ: «Какое рано, сударыня, Анна Львовна.» А вотъ и вышло по-моему. Заучился, зачахъ, и Богу душу отдалъ. И Анна Львовна заплакала непритворными, горючими слезами.

— Не плачьте, Анна Львовна, Господь Богъ любитъ смиреніе и безропотную покорность Его святой волѣ, Его непостижимымъ опредѣленіямъ. Вашъ сынокъ, Петя, четыре года уже учился у меня, и все здоровъ былъ... но къ несчастію простуда...

— То-то простуда, не зналъ бы онъ простуды, ка-бы бѣгалъ на волѣ по полямъ да лугамъ...

— Да развѣ крестьянскіе ребятишки, не смотря на свои права бѣгать по полямъ, не умираютъ? возразилъ кротко отецъ Арсеній.

— Оно конечно такъ, а все же жаль бѣднаго Петю, и при этихъ словахъ Анна Львовна глубоко вздохнула, и утерши глаза платкомъ, положила его въ карманъ вмѣстѣ съ табакеркой.

— Оно безспорно жаль, продолжалъ священникъ, но неблагоразумно губить будущность Кости изъ-за того, что вамъ жаль Петю. По-моему мнѣнію, Анна Львовна, ужъ коли выбирать, такъ лучше будь сынъ въ могилѣ, чѣмъ въ живыхъ да дуракомъ и невѣждой.

— Опять вы за свое, отецъ Арсеній, сказала съ твердостью Анна Львовна, да ужъ теперь не быть по вашему, а будетъ по-моему. Костя знаетъ грамотѣ, священную исторію и молитвы, а по счетной части, по математикѣ, что ли, по вашему, онъ уже всѣ счеты прошелъ, ну, такъ и будетъ съ него! Заживемъ мы съ нимъ у себя въ Ванинѣ на славу; будетъ онъ любить старуху мать свою и ухаживать за нею... Не такъ ли, Костя?

Костя не отвѣчалъ, но что-то похожее на слезу блеснуло на его свѣтлыхъ глазахъ, озаренныхъ раннею смѣтливостью.

— Костя молчитъ, Анна Львовна, видите ли вы! сказалъ отецъ Арсеній съ торжествующимъ видомъ.

— Да, перебила Анна Львовна, я вижу въ Костѣ большую перемѣну, отецъ Арсеній: онъ сталъ такой невеселый, пасмурный,

задумчивый. Не знаете ли, батюшка, что съ нимъ приключилось? Костя, дружечикъ ты мой, отчего ты сталъ такой неразговорчивый?

— Такъ, матушка, сказалъ печально Костя, бросившись цѣловать протянутую къ нему руку матери.

— Ты у меня такой добрый, сказала Анна Львовна, гладя сына по головѣ; коли такъ, то и скучать нечего, мать огорчать не должно. Выпей-ка еще стаканчикъ чайку, отецъ Арсеній, да ужъ, пожалуйста, и говорить перестанемъ все объ одномъ и томъ же.

— Нѣтъ, сударыня, Анна Львовна, возразилъ священникъ, зачѣмъ же переставать говорить, напротивъ, я считаю долгомъ сказать вамъ, что у Кости вашего способности къ наукамъ отличныя, особенно къ наукамъ математическимъ; что съ этими способностями онъ можетъ пойти далеко, тѣмъ болѣе, что братецъ вашъ, Аполинарій Львовичъ, какъ я неразъ слыхалъ отъ васъ самихъ, начальникъ одного изъ корпусовъ въ Петербургѣ, и что вашему сыну былъ бы у него пріютъ и воспитаніе...

— Что-ты, что-ты, батюшка, отецъ Арсеній! Я, я Анна Львовна Перская, буду чѣмъ нибудь одолжаться у брата Аполинарія? Этому не бывать! Вы развѣ забыли, что проѣзжая по нашей губерніи, онъ не вспомнилъ навѣстить вдову сестру, старшую сестру свою! Что же онъ такое самъ, смѣю спросить?

— Онъ важный сановникъ, всѣми уважаемый, исполняющій рачительно и благонадежно должность, возложенную на него нашею матушкою царицею.

— Важный сановникъ! сказала Анна Львовна гордо, я сама бригадирша... Чѣмъ онъ вздумалъ гордиться, и предъ кѣмъ же? предъ старшею сестрою? Чтожъ? и я поѣду когда нибудь въ Петербургъ, и докажу моему братцу, что онъ во всемъ обязанъ имѣть аттенцію къ старшей сестрѣ своей!..

— Да онъ вѣрно и имѣетъ ее къ вашей особѣ въ достаточной степени, ужъ потому одному, что васъ здѣсь, въ губерніи, всѣ знаютъ и уважаютъ.

— Имѣетъ ко мнѣ аттенцію, а не заглянулъ въ Ванино.

— Вѣрно Аполинарій Львовичъ занятъ былъ дѣлами службы.

— Нѣтъ, батюшка, не говори, у него вылетѣло изъ головы, что тутъ не вдалекѣ живетъ вдова бѣдная... Зазнался больно!

— Ну, если даже и предположить, что забылъ, это еще не доказываетъ...

— Какъ не доказываетъ, прервала съ запальчивостью Анна

Львовна. Да что же оно доказываетъ? не то ли, что меня забыли, ась? Если онъ меня забылъ, такъ и я его помнить не хочу и обойдусь безъ его покровительства.

Голосъ Анны Львовны звучалъ, глаза блестѣли негодованіемъ.

Отецъ Арсеній разсудилъ замолчать и перемѣнивъ искусно разговоръ, долго еще бесѣдовалъ съ Анной Львовной, которая, хотя и возставала противъ *усиленныхъ наукъ для своего Кости*, но была очень здравомыслящая и умная барыня. Горесть о потерѣ первенца сына заставляла ее говорить противъ ученія, но въ душѣ она сознавала всю пользу, отъ него проистекающую. Сѣтованія объ умершемъ сынѣ были еще слишкомъ живы въ душѣ ея; надо было предоставить времени образумить старушку на счетъ будущности Кости. Но время, этотъ гранильщикъ сердца человѣческаго, медленно совершаетъ свою работу надъ твердыми сердцами, а Костѣ уже четырнадцатый годъ; онъ смышленъ не по лѣтамъ; способностямъ его нѣтъ простора развернуться. Книгъ и руководствъ въ селѣ Ванинѣ почти нѣтъ никакихъ. Въ описываемое нами время они были рѣдкостью даже въ богатыхъ домахъ зажиточныхъ помѣщиковъ.

Приведенный нами разговоръ былъ подслушанъ къ концу осени. Холодные утренники напоминали о приближеніи суровой поры. Наступилъ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ ближнемъ селѣ у одного изъ сосѣдей бригадирши былъ храмовый праздникъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, и особенно послѣ потери сына, Анна Львовна не выѣзжала изъ своего села. Бригадирша страдала одышкою, признакомъ начала водяной болѣзни, которая развивалась мало по малу.

Бригадирша позволила Костѣ отправиться одному на праздникъ къ сосѣду, и положено было, что дядька Кости, Карпъ, отвезетъ его въ Покровское. Костя просилъ позволенія пробыть тамъ трое или четверо сутокъ. Дядька же Карпъ долженъ былъ возвратиться одинъ домой, а по истеченіи этого срока, снова ѣхать за барченкомъ въ дорожной колымагѣ.

II.

День былъ пасмурный и холодный. Мелкій дождь не переставалъ моросить и пробивалъ до костей, не смотря ни на какую одежду. Окольными дорогами, избѣгая большой столбовой, бѣлокурый мальчикъ пробирался по грязной, смоченной землѣ, при-

липавшей къ ногамъ его и еще больше затруднявшей его ходьбу. Мальчикъ былъ въ довольно легкой курточкѣ и въ картузѣ; онъ дрожалъ отъ холода и усталости. Силы его изнемогали. Онъ едва могъ дотащиться до большой рѣки, которая преграждая ему путь, катила предъ нимъ холодныя и мутныя свои волны. За рѣкою виднѣлось нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ. Къ нимъ-то, уже давно завидя ихъ издали, направилъ свой путь проголодавшійся и продрогшій мальчикъ. Подойдя къ берегу рѣки, онъ окинулъ ее взглядомъ: по ней не видно было никакого признака перехода или моста. Не думая долго, мальчикъ раздѣлся, связалъ въ узелъ свою одежду, прикрѣпилъ ее себѣ на голову, и взошелъ въ холодную воду, отъ которой посинѣло все тѣло его. Три дня пути, въ которые онъ поддерживалъ себя скудною пищею, взятою имъ въ карманы предъ отправленіемъ въ дорогу, истощили его силы. Но и этой пищи уже не было въ карманахъ его болѣе восьми часовъ. Не смотря на это, хотя и съ усиліемъ, онъ переплылъ рѣку благополучно, поспѣшно одѣлся и собравъ послѣднія силы, бѣгомъ пустился по направленію къ мельницамъ, сколько для того, чтобъ согрѣться, какъ и подстрекаемый надеждою найти хоть у сострадательныхъ крестьянъ то, чѣмъ бы могъ подкрѣпить свой истощенный желудокъ. Неподалеку отъ первой мельницы начиналась длинная цѣпь строеній кирпичныхъ и деревянныхъ. Мальчикъ понялъ, что онъ достигъ одной изъ сторонъ какого-то города. За угломъ мельницы стоялъ на складномъ столѣ лотокъ съ сайками и калачами. Видъ съѣстныхъ припасовъ возбудилъ въ бѣдномъ мальчикѣ еще въ сильнѣйшей степени тягостное ощущеніе голода. У лотка не было никого; мальчикъ сотворилъ крестное знаменіе, схватилъ сайку и бросился съ нею бѣжать. Едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, едва успѣлъ запустить съ жадностью бѣлые зубы свои въ мягкую сайку, какъ чья-то рука потянула его сзади за вихоръ.

— Ахъ ты воришка этакой! кричалъ краснощекій парень въ синемъ длиннополомъ сюртукѣ; вотъ я-те отучу отъ ворозства!

— Я очень голоденъ, завопилъ мальчикъ, я дворянскій сынъ, не бей меня.

При этомъ словѣ, рука дюжаго лавочнаго прикащика опустилась мгновенно.

— Вотъ что! сказалъ онъ протяжно; ну, кушай на здоровье; да откуда же ты? глядь-ко, на тебѣ нитки сухой нѣтъ.

Въ это время къ разговаривающимъ подходилъ другой человѣкъ, почти также одѣтый, какъ и первый парень.

— Что тутъ такое? спросилъ вновь прибывшій.

— Да вотъ, какой-то дворянчикъ, говоритъ, что давно не ѣлъ, а не на что купить хлѣбца, такъ я и далъ ему сайку. Ты неразсердчаешь за то на меня, Онисимъ Григорьичъ?

— За что сердчать, Ѳаддей, доброе дѣло ты сдѣлалъ. А ты, господинъ мальчикъ, зайди-кась ко мнѣ въ лавочку да разскажи намъ какъ это приключилось, что ты давно не ѣвши.

И взявъ мальчика ласково за руку, онъ повелъ его черезъ лавку въ теплую комнату.

— Вотъ садись тутотко на лежанкѣ, а покуда будетъ на тебѣ сохнуть платье, разскажи намъ, что съ тобою приключилось.

— Я вамъ все скажу безъ утайки, но дайте мнѣ слово, что не станете меня останавливать итти туда, куда мнѣ надобно.

— А мнѣ какое дѣло до твоего пути, сказалъ добродушно Онисимъ Григорьичъ. Мѣшать тебѣ не буду, ступай себѣ хоть на край свѣта.

— Видите, въ чемъ дѣло: матушка моя недавно похоронила старшаго моего брата, Петю, и говоритъ, что онъ умеръ отъ ученья, а потому рѣшилась держать меня въ селѣ Ванинѣ и ничему болѣе не обучать.

— Село Ванино, слыхалъ! сказалъ Онисимъ Григорьичъ; оно принадлежитъ вдовѣ бригадиршѣ, фамиліи не припомню.

— Аннѣ Львовнѣ Перской...

— Такъ, таки-такъ! прервалъ купецъ, теперь я вспомнилъ. Ну-съ, батюшка, такъ что-жъ?

— Ну, я и ушелъ тихонько изъ дому и пробираюсь въ Питеръ, учиться и служить царицѣ нашей.

— Доброе дѣло ты задумалъ, голубчикъ ты мой; но какъ же ты въ нашъ городокъ-то попалъ? Отъ села Ванина онъ тебѣ не лежалъ по дорогѣ къ Питеру, ты далъ большаго крюку.

— Мнѣ некого было распросить, я никому не сказалъ о своемъ намѣреніи и только помышлялъ объ одномъ, какъ бы подальше отойти отъ Ванина, чтобъ меня не нагнали.

— Вотъ оно что! сказалъ Онисимъ Григорьичъ, поглаживая свою густую бороду. А какъ же ты думаешь прожить-то въ Питерѣ до той поры, пока опредѣлишься въ какое ни на есть училище?

— Родной братъ моей матушки, а мой дядя, начальникомъ надъ мальчиками въ Петербургѣ.

— Ну, вотъ это ладно! сказалъ немного подумавъ Онисимъ Григорьичъ. А знаешь-ли что, господинъ мальчикъ, тебя не худо бы подвезти къ Питеру, а то ты съ голоду и холоду пропадешь, странствуя наугадъ въ такой легкой одеждѣ. Хошъ, я тебя отправлю вонъ съ этимъ долговязымъ парнемъ, что прислужился тебѣ сайкою. Я его кстати посылаю по моимъ дѣлишкамъ въ Петербургъ, такъ онъ тебя туда и довезетъ, да и дорогою прокормитъ.

Костя, котораго уже давно узналъ читатель, бросился цѣловать добраго купца и не могъ выговорить ни слова отъ радости.

— Ну, ну, добро, сказалъ Онисимъ Григорьичъ, уклоняясь отъ благодарности Кости.

Костя обнялъ и долговязаго прикащика Ѳаддея, вспомнилъ, какъ онъ великодушно скрылъ отъ хозяина его почти невольное посягательство на сайку, внушенное ему злымъ совѣтникомъ—голодомъ.

На другой день, парная кибитка, запряженная двумя здоровыми купеческими лошадьми, повезла Ѳаддея и Костю въ Петербургъ.

III.

У въѣзда въ столицу, Костя вылѣзъ изъ кибитки и поблагодарилъ Ѳаддея за оказанную ему услугу. Ѳаддей предлагалъ Костѣ подвезти его къ самому дому дяди, но Костя отвергъ его предложеніе, увѣривъ, что дядя живетъ недалеко отъ въѣзда въ городъ. Ѳаддей не сталъ настаивать, сообразивъ, что можетъ мальчику не хочется явиться въ простой кибиткѣ у крыльца вельможи. Онъ распростился съ Костей дружески. Костя съ своей стороны думалъ, что ему не трудно будетъ найти дядю, хотя онъ и не признался Ѳаддею, что совсѣмъ не зналъ, гдѣ дядя живетъ.

Когда Ѳаддей скрылся изъ виду, Костя принялся распрашивать проходящихъ, гдѣ живетъ дядюшка его Аполлинарій Львовичъ. Долго шелъ Костя по городу, и на всѣ разспросы свои получалъ въ отвѣтъ отрывистое «не знаю». Всѣ бѣжали по своимъ нуждамъ, никому не было дѣла до маленькаго героя. Наконецъ, одинъ изъ проходящихъ, менѣе ли другихъ занятый, или

словоохотнѣе прочихъ, на вопросъ Кости вступилъ съ нимъ въ разговоръ:

— А какъ твоего дядю зовутъ по фамиліи?

— По фамиліи? спросилъ Костя и задумался: онъ никогда не слыхалъ фамиліи дяди, и нелюбопытствовалъ знать о томъ. Прохожій понялъ затрудненіе мальчика и продолжалъ:

— Да твой дядюшка братъ отца твоего или матери?

— Братъ матушки.

— Ну, это плохо!

— Отчего же плохо? спросилъ оторопѣвшій Костя.

— А оттого плохо, что труднѣе будетъ розыскать кто твой дядя. Какъ твоя фамилія?

— Перскій.

— Ну, видишь ли, братъ твоей матушки уже не Перскій. Твоя матушка по мужу Перская; а не помнишь ли, какъ она прозывалась по отцу своему?

— Не помню, сказалъ печально Костя. Ему казалось, что онъ не разъ слыхивалъ, какъ звали его дѣда по фамиліи, но это прозваніе совершенно вышло у него изъ памяти.

— Какъ же намъ быть, сказалъ ласково господинъ, выслушавшій Костю терпѣливо и снисходительно. Пойдемъ со мною рядомъ и поговоримъ еще. А какъ имя твоего дяди?

— Аполинарій Львовичъ.

— Не знаешь ли ты объ немъ чего нибудь, по чему бы можно было узнать его?

— Онъ начальникъ надъ мальчиками въ Петербургѣ, такъ я не разъ слыхалъ отъ матушки и нашего священника.

— А! значитъ онъ начальникъ надъ корпусомъ или надъ другимъ учебнымъ заведеніемъ.

Прохожій господинъ и Костя вышли въ это время на берегъ Невы.

— Вотъ, мой другъ, перейди мостъ, и вонъ, за рѣкой, въ этомъ большомъ строеніи, выкрашенномъ зеленоватою краской, ты получишь свѣдѣнія о твоемъ дядѣ.

Костя поблагодарилъ господина, быстро перебѣжалъ длинный деревянный мостъ и подошелъ къ крыльцу указаннаго дома. На крыльцѣ стоялъ сторожъ.

— Что это за домъ? спросилъ его Костя.

— Шляхетный корпусъ.

— Кто начальникъ?

— Аполинарій Львовичъ.

— Ну, такъ и есть. Не знаешь ли, гдѣ онъ живетъ?

— Какъ не знать, сказалъ сторожъ, онъ живетъ недалече отсюда, вонъ все по этому проспекту, вонъ крыльцо подъ балкономъ, видишь?

— Вижу, спасибо, спасибо, любезный! И Костя почти бѣгомъ пустился къ указанному крыльцу. Двери на улицу были отворены. Передъ Костей разстилалась богатая парадная лѣстница. Онъ взошелъ на нее и взялся за ручку замка первой попавшейся ему на глаза двери. Дверь подалась. Костя вошелъ въ небольшую комнату, вѣроятно прихожую; въ ней не было никого изъ людей, за то было въ ней трое дверей, не считая той, въ которую вошелъ Костя. Онъ отворилъ одну изъ нихъ и оробѣлъ: предъ нимъ тянулась длинная анфилада пустыхъ покоевъ. Онъ быстро притворилъ дверь и подошелъ къ другой. За нею послышался сухой кашель. Костя рѣшился отворить и вторую дверь, и еще пуще оробѣлъ. Какой-то сѣденькій старичекъ въ халатѣ сидѣлъ противъ большаго зеркала, спиною къ двери и брился. Зеркало отражало намыленное лицо старика; цвѣтъ бѣлаго подбородка сливался съ такими же бѣлыми волосами. Костя ни разу въ жизни не видалъ такого зрѣлища. Онъ въ страхѣ притворилъ дверь, но собравшись съ духомъ, снова погодя отворилъ ее немного.

— Кто тамъ? закричалъ громкимъ и твердымъ голосомъ брившійся.

Костя снова такъ поспѣшно прихлопнулъ дверь, что чуть не прищемилъ своего носа. Сердце его сильно билось. Однако онъ въ третій разъ отворилъ дверь. Старикъ еще громче и сердитѣе закричалъ, глядя черезъ зеркало:

— Эй, носъ! чей тамъ носъ?

Костя рѣшился перешагнуть черезъ порогъ, и войдя тихонько притворилъ за собою дверь.

— Ну, что тамъ тебѣ? спросилъ брившійся, не поворачивая головы.

— Я-съ... мнѣ-съ...

— Подойди сюда ближе, да говори толкомъ, что ты тамъ мямлишь, точно кашу ѣшъ.

— Я ищу-съ дядюшку, Аполинарія Львовича, сказалъ Костя твердо и внятно, собравъ растерянныя свои силы.

Старикъ быстро повернулся всѣмъ тѣломъ на стулѣ и окинулъ взглядомъ Костю.

— Что-о? Какого тебѣ дядю? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Дядюшку Аполинарія Львовича, братца моей матушки Анны Львовны.

— Какъ? ты сынъ бригадирши Перской?

— Точно такъ-съ.

— Потапка, Потапка! иди сюда скорѣе, закричалъ старикъ, вставая и кладя полотенце съ колѣнъ на столъ. Вмѣстѣ съ этими возгласами, старикъ поставилъ Костю рядомъ съ собою передъ зеркаломъ, и смотря то на него, то на себя, повторялъ: Такъ, такъ! Потапка! да чтоже ты тамъ найдешь? Похожъ, дѣйствительно похожъ! и на меня смахиваетъ! Потапка, да кой чортъ! гдѣ онъ запропастился?

Потапка такой же сѣденькій, какъ и баринъ его, но далеко не такой бодрый и живой, показался наконецъ изъ-за дверей и шелъ тихими шагами, не прибавляя скорости, не смотря на нетерпѣніе, съ какимъ кликалъ его баринъ.

— Ну, что вы тамъ, батюшка, такъ раскричались? сказалъ старикъ Потапъ, прикладывая руку къ глазамъ, чтобъ лучше разсмотрѣть, что дѣлалось противъ свѣта. Старику, какъ видно, не въ новость была нетерпѣливость его барина.

— Посмотри-ка, старина, да посмотри хорошенько на этого мальчугана: какъ думаешь, кто онъ таковъ?

— Да не знаю, батюшка ты мой, не видывалъ отродясь.

— Да смотри же, Потапка; ну, чтожъ, не видывалъ? Старикъ Потапъ сталъ вертѣть Костю то бокомъ, то лицомъ къ окну.

— Лицомъ-то онъ маленько смахиваетъ...

— На кого, на кого же, Потапушка?

— Да фу ты пропасть! ужъ не твой ли это сынишко, батюшка ты мой, Аполинарій Львовичъ?

Старикъ захохоталъ отъ всей души и такъ громко, что стекла оконъ задребезжали. Аполинарій Львовичъ былъ вдовъ съ двадцатипятилѣтняго возраста. Покойная жена его, скончавшаяся въ первый же годъ замужства, не оставила ему наслѣдника.

— Нѣтъ, Потапушка, мальчуганъ не мой сынъ, а сынъ сестры, Анны Львовны, крестникъ мой, Петя.

— Нѣтъ, дядюшка, Петя уже годъ какъ умеръ, а я Костя.

— Петя умеръ! Ахъ, бѣдный Петя! а я не зналъ, что онъ покинулъ свѣтъ; сестра не разсудила и оповѣстить меня объ его

смерти. Ну, Костя, гдѣ же твоя мать? гдѣ остановилась и зачѣмъ прямо ко мнѣ не пріѣхала?

— Я одинъ въ Петербургѣ.

— Ну, оно и видно, что одинъ, сказалъ Аполинарій Львовичъ, осматривая внимательно племянника: видно, что нѣкому было приглядѣть за твоею одеждою, да и попричесать тебя маленько. Что ты это, Костя, и носомъ поминутно фыркаешь, видно платка нѣтъ?

— Въ дорогѣ потерялъ.

— А другаго въ чемоданѣ не нашлось?

— Я ушелъ тихонько изъ дому, въ чемъ былъ.

— Какъ такъ? какъ ушелъ?

Костя сбирался было разсказать свои похожденія, но дядя, взглянувъ на часы, перебилъ его.

— Послѣ разскажешь. Ахъ, Господи! мнѣ ужъ пора быть у матушки-царицы, а я еще не одѣтъ. Потапка! на тебѣ Костю, сведи его въ баню, одѣнь прилично, чтобъ онъ былъ не хуже одѣтъ Гриши и Вани Сколпиныхъ; пока ему сошьютъ платье, никто не долженъ видѣть Костю и знать, что онъ у меня въ домѣ. Когда же гардеробъ его будетъ приведенъ въ порядокъ, когда ты отучишь племяничка фыркать носомъ и безпрестанно чесать въ затылкѣ, чтобъ Сколпины не осмѣяли его на первыхъ парахъ, я представлю имъ Костю, какъ моего племянника, такого же, какъ и они, и запрещу имъ дѣлать Костѣ самомалѣйшую обиду.

— Я и самъ въ обиду не дамся, сказалъ бойко Костя.

— Ай да молодецъ! сказалъ Потапка.

— Черезъ два, три дня, ты мнѣ разскажешь, продолжалъ Аполинарій Львовичъ, какимъ образомъ ты улизнулъ изъ дома, а теперь прощай!

Аполинарій Львовичъ погладивъ Костю по головѣ, сдѣлалъ знакъ Потапу, и тотъ увелъ съ собою нашего героя.

IV.

Старикъ Потапъ совѣстливо исполнилъ порученіе своего господина, и вымытый, вычесанный, напомаженный, напудренный и щегольски одѣтый Костя переродился совершенно. Природная красота Кости очень гармонировала съ роскошью одежды. Откинутый воротничекъ рубашки спорилъ съ шеей мальчика, бѣлой, какъ у

женщины; а смѣлый, открытый взглядъ голубыхъ его глазъ обращалъ общее вниманіе и внушалъ выгодное для Кости мнѣніе на счетъ его умственныхъ способностей. Костя успѣлъ разспросить своего новаго дядьку обо всемъ, что касалось дяди его, а въ особенности о Гришѣ и Ванѣ Сколпиныхъ. Эти два лица занимали Костю болѣе всего, отъ нихъ-то боялся дядюшка нападокъ и насмѣшекъ надъ Костей. Вотъ что узналъ объ нихъ Костя: Покойная жена Аполинарія Львовича, умершая въ самомъ цвѣтѣ молодости, была урожденная Сколпина. У брата ея, очень богатаго человѣка, занимавшаго одну изъ важныхъ должностей въ одномъ изъ воеводствъ, были два сына Григорій и Иванъ. Отецъ Сколпинъ помѣстилъ ихъ у Снѣгина, съ цѣлію, чтобы тотъ могъ наблюдать за ихъ ученіемъ и покровительствовать ихъ повышенію. Гриша и Ваня, приходя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Аполинарію Львовичу, скидавали свои корпусныя платья и одѣвались въ домашнія—таковъ былъ обычай того времени между богатыми и даже недостаточными людьми. Оба Сколпины славились своими шалостями и были отъявленные забіяки. Костя, вмѣсто того, чтобъ бояться встрѣчи съ ними, желалъ ея отъ всей души. Онъ самъ былъ духа задорнаго. Костя уже начиналъ скучать сообществомъ своего дядьки, какъ вдругъ Потапъ вздумалъ напомнить своему барину, что племянникъ его, Костя, вымытъ, причесанъ и одѣтъ.

Въ одинъ вечеръ ноябрскаго дня, когда на дворѣ бушевала мятель, а въ кабинетѣ Аполинарія Львовича сіялъ въ каминѣ жаркій пламень березовыхъ дровъ, старикъ Снѣгинъ призвалъ къ себѣ Костю. Онъ не видалъ племянника съ перваго дня знакомства, и не на шутку удивился перемѣнѣ, происшедшей въ Костѣ. Потапъ, замѣтивъ удивленіе своего барина, радостно потиралъ руки, и, вытащивъ платокъ изъ кармана Кости, совалъ его въ руки мальчику, приговаривая: «не забудь же, Константинъ Петровичъ, не играй ты музыку носомъ; вотъ-те платокъ.» Костя, ставъ постояннымъ обладателемъ носоваго платка, пересталъ вдыхать носомъ воздухъ.

Послѣ тщательнаго осмотра племянника, дядя ласково погладилъ его по бѣлокурой головкѣ и сказалъ: «И на мать похожъ, и на меня сбиваетъ.»

Старику отрадно было видѣть нѣкоторыя черты свои въ живописной головкѣ красавчика Кости.

— Ну, садись-ка тутъ, возлѣ меня, племянничекъ, и разскажи,

какими ты способами попалъ одинъ въ Петербургъ? Да что твоя пѣсня будетъ долга, или нѣтъ?

— Да не коротка, сказалъ развязно Костя.

— А не скучна, пострѣленокъ?

— И не скучна, прибавилъ Костя, улыбнувшись. Старикъ вытянулъ ноги и расположился самымъ спокойнымъ образомъ, сбираясь слушать разсказъ племянника; Потапъ сталъ за кресломъ барина, и Костя началъ:

— Прежде всего, надо вамъ сказать, дядюшка, что моя маменька очень на васъ сердита.

— Вотъ! а за что бы, позволь спросить?

— Она очень гнѣвалась на васъ за то, что вы не навѣстили ее въ началѣ лѣта, когда проѣзжали по нашей области. Узнавши о вашемъ проѣздѣ какъ-то заранѣе, матушка приготовилась встрѣтить васъ; посудите, каково ей было обмануться въ своихъ ожиданіяхъ? Она говорила, что вы ее сдѣлали посмѣшищемъ всѣхъ сосѣдей; что вы заважничали передъ старшею сестрою, и что такъ поступать не годится.

Старикъ генералъ улыбнулся нравоученію племянника и сказалъ спокойно:

— Я точно проѣзжалъ, въ началѣ лѣта, по вашимъ мѣстамъ; Матушка Царица назначила мнѣ не только день, но часъ дня, въ который станетъ ожидать меня. Еслибъ я вздумалъ свернуть 50 верстъ въ сторону, къ Ванину, то не могъ бы исполнить приказанія Государыни, а воля ея для каждаго русскаго священна. Я не написалъ объ этомъ сестрѣ, потому что грамота ей не очень далась, да мы съ нею и до того времени никогда не переписывались.

— Ну, теперь, дяденька, когда вы знаете, что матушка была сердита на васъ, мой разсказъ вамъ будетъ понятнѣе.

Старшій мой братъ, покойный Петя и я обучались у нашего сельскаго священника. Петя простудился, захворалъ и умеръ, послѣ краткой болѣзни. Матушка порѣшила, что онъ умеръ отъ усиленнаго ученія и, чтобъ сохранить единственнаго оставшагося у нея сына здравымъ и невредимымъ, положено было прекратить со мною всѣ науки. Не смотря на всѣ возраженія отца Арсенія, матушка стояла на своемъ, и рѣшилась не выпускать меня ни на шагъ.

Вотъ разъ по сосѣдству у насъ въ помѣщичьемъ имѣніи у приказчика была свадьба. Я съ нашимъ казачкомъ тоже

побѣжалъ смотрѣть. Изъ нашей церкви за поѣздомъ и мы уцѣпились, и чтобъ лучше разсмотрѣть, какъ пойдетъ пиръ и угощеніе, я забрался въ съѣстной чуланчикъ, откуда было сдѣлано окошечко въ залу, чрезъ которое все можно было видѣть и слышать. Зала была освѣщена, а чуланчикъ темный: значитъ меня и примѣтить никто не могъ. Когда гости уже достаточное число разъ приложились губами къ чаркамъ, бесѣда оживилась. Всѣ стали болтать безъ умолку и обо всемъ, что имъ вспадало на умъ. Вдругъ рѣчь коснулась помѣщицы Анны Львовны Перской. Любопытство мое было возбуждено еще сильнѣе; я пріотворилъ окошечко, чтобъ лучше разслышать, что станутъ говорить про матушку, и чуть не выказалъ этимъ движеніемъ свое присутствіе, никѣмъ даже не подозрѣваемое.

— Что это, сказала одна изъ гостей, сухощавая, высокая женщина, что это бригадирша думаетъ дѣлать изъ своего сынка?

— Да что, отвѣчалъ ей тоже женскій голосъ, но я не могъ видѣть, кому онъ принадлежалъ; извѣстно что: баловня, дармоѣда. Барченокъ-то, говорятъ, такой прыткій и смышленый, да и родню важную имѣетъ при дворѣ; такъ нѣтъ, сиди-де у матушки за пазухой, да поджидай ея смерти, чтобъ самому приняться за дѣло по хозяйству.

— Экъ вы, Анфиса Сидоровна, вотъ вы и съ осужденіями, а вашему-то сынку годковъ семнадцать будетъ, а онъ у васъ все въ рубашонкѣ бѣгаетъ; малъ еще молъ, говорите вы, пусть порѣзвится. А Кости Перскому всего-то четырнадцатый годокъ.

— Ну, мое дѣло совсѣмъ другое. У меня нѣтъ въ Питерѣ покровительства для моего Никандрушки, да и отъ 11-ти душъ не на что проживать въ Петербургѣ. А вотъ бригадиршѣ и санъ велитъ, и имѣніе позволяетъ, душъ-то слишкомъ 80 имѣетъ!

— Восемьдесятъ не восемьдесятъ, а около шестидесяти будетъ.

— Ну, положимъ хоть и шестьдесятъ, да покровительство-то пятисотъ стоитъ. Нѣтъ, ужъ я стою на томъ, не доброе дѣлаетъ Анна Львовна, что не отсылаетъ сына въ Питеръ въ науку. Сынокъ-то такой пригожій, славный бы офицеръ вышелъ!

— Что правда, то правда, сказалъ отецъ Арсеній. Мой ученикъ Костя былъ бы не простой человѣкъ, еслибъ занялись толкомъ его головою.

— Да что же вы, батюшка, отецъ Арсеній, не надоумите старухи-то?

— Э, да ужъ не разъ говорилъ и настаивалъ, да все одно

напѣваетъ: «Не хочу, да не могу, уморить что ли и Костю хотите, какъ уморили Петю.

— Вотъ и сгубитъ сына ни за копѣйку, сказала сухощавая, высокая женщина.

Такъ, или почти такъ разсуждали гости, и разговоры эти запали мнѣ глубоко въ душу. Добрый священникъ неразъ заводилъ рѣчь съ матушкой о необходимости продолжать мнѣ ученье, и даже совѣтовалъ отослать меня къ вамъ, но матушка при этомъ подняла такой шумъ и споръ, что отецъ Арсеній пересталъ настаивать и прекратилъ объ этомъ рѣчь. Между прочимъ, матушка говорила, что она не хочетъ ничѣмъ быть обязана брату, который забылъ о ея существованіи, и что хотя онъ важный человѣкъ, но что она хочетъ...

Костя не договорилъ и остановился.

— Ну, хорошо, хорошо, сказалъ генералъ, продолжай.

— Меня стало томить желаніе учиться, а главное—желаніе быть офицеромъ. Я рѣшился тихонько уйти изъ дому и во что бы ни стало добраться до Петербурга и отыскать васъ, дяденька. Мысль остаться навсегда олухомъ, какъ выразилась гостья на свадьбѣ, ужасала меня и поселила во мнѣ отвращеніе къ Ванину. Приближался праздникъ Покрова; у сосѣда нашего этотъ праздникъ сверхъ того былъ и храмовой. Матушка отпустила меня къ нему одного съ дядькой, и позволила остаться погостить тамъ три дня. Я поѣхалъ въ Покровское. Мы проѣзжали сзади парка, калитка была отворена. Я велѣлъ остановиться, говоря, что садомъ прямо пробѣгу въ покои, а дядькѣ съ экипажемъ приказалъ объѣхать кругомъ на господскій дворъ. Я вошелъ въ садъ и прильнулъ къ забору глазами. Едва я увидѣлъ, что коляска наша завернула за уголъ и скрылась изъ виду, я выбѣжалъ изъ сада, взялъ въ сторону отъ села, и вмѣсто того, чтобъ явиться въ гости къ сосѣду, побѣжалъ, куда глаза глядѣли, имѣя только одну цѣль—скрыться поспѣшнѣе отъ поисковъ. Я разсчиталъ, что въ теченіе сутокъ, пока могутъ меня спохватиться, я буду уже далеко отъ Ванина, и всѣ поиски за мною будутъ безуспѣшны. Я набралъ во всѣ карманы своего праздничнаго платья ломтей хлѣба, пересыпаннаго солью, а чтобъ не возбудить подозрѣнія дядьки, оставилъ въ экипажѣ свою теплую одежду. За пазуху я положилъ листокъ бумаги и карандашъ, имѣя въ виду написать къ матушкѣ изъ перваго города, который встрѣчу по дорогѣ. Три дня я шелъ по пахатнымъ полямъ, избѣгая дорогъ, боясь набре-

сти на кого нибудь изъ ванинскихъ крестьянъ. Весь запасъ моихъ хлѣбныхъ ломтей уже истощился; три ночи я ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Усталость прогоняла страхъ всякой опасности. Къ счастію моему, дни стояли теплые, хотя и пасмурные. На четвертое утро пошелъ дождь, хотя и мелкій, но частый, и продолжался во весь день. Я промокъ до костей. Уже нѣсколько часовъ сряду я не имѣлъ ни крошки хлѣба во рту. Ноги мои вязли въ размокшей землѣ, которая, прилипая къ сапогамъ, затрудняла все болѣе и болѣе томительный путь. Вдругъ вижу я въ отдаленіи мельницы. Я рѣшился подойти къ нимъ и распросить о дорогѣ въ Петербургъ, а главное, достать чего нибудь поѣсть. Вдругъ большая рѣка преграждаетъ мнѣ дорогу. Не думая долго, я раздѣлся и переплылъ ее.

Потапъ при этомъ не выдержалъ и ввернулъ свое словцо: «Ай да молодецъ!» Костя продолжалъ:

— За рѣкою отъ первой мельницы тянулась улица домовъ и разныхъ строеній, а за угломъ ея стоялъ лотокъ съ сайками...

Костя остановился. Ему стало совѣстно разсказывать о своемъ поступкѣ, но не привыкши лгать, онъ не хотѣлъ его скрыть.

Дядя помогъ ему, перебивъ добродушно: «Ну, ты, пожалуй, и стянулъ одну», сказалъ онъ, улыбаясь.

— Виноватъ, дядюшка, стянулъ, не удержался; у меня въ животѣ кошки скребли; да и досталось же мнѣ отъ продавца; онъ безпощадно вытрясъ меня за вихоръ, но скрылъ мой поступокъ отъ хозяина небольшой лавки, который въ эту минуту вышелъ изъ нея. Хозяинъ лавки, купецъ Онисимъ Григорьевичъ, сжалился надо мною, услышавъ о моемъ приключеніи, и отправилъ меня въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ. Съ трудомъ я отыскалъ васъ, дядюшка, и вотъ теперь настала для меня пора сказать вамъ: я хочу быть офицеромъ!

— Ну, Костя, это еще не вдругъ, не такъ скоро дѣлается, какъ говорится; ты хорошо сдѣлалъ, что понадѣялся на своего дядю, и я не оставлю тебя. Ну, а написалъ ли ты матушкѣ, чтобъ ее успокоить?

— Написалъ, дядюшка, и отдалъ письмо Анисиму Григорьевичу; онъ обѣщалъ доставить его въ село Ванино.

— Ну, матушка твоя посердится да и перестанетъ; помяни мое слово, Костя, сестра и тебя проститъ да и со мной примирится. Анна Львовна женщина характерная, даже подчасъ упрямая, но все же умная, такъ ей и не трудно будетъ сообразить всю

пользу твоей рѣшимости. Все устроится къ лучшему. Ну, Потапушка, скоро и молодцы наши Сколпины явятся, вѣдь завтра воскресенье...

— Да уже за нимъ пошелъ Максимъ. Не успѣлъ проговорить эти слова старикъ Потапъ, какъ два мальчика, почти однихъ лѣтъ съ Костей, шумно вбѣжали въ комнату.

Наружность ихъ была совершенно противоположная наружности Кости. Лица ихъ были смуглыя, глаза черныя, волосы курчавые. Взгляды ихъ были не менѣе смѣлы, какъ и взглядъ Кости, но смѣлостъ во взорахъ ихъ граничила уже съ дерзостью.

— Вотъ двоюродный братъ вашъ, Константинъ Перскій, сказалъ старикъ вбѣжавшимъ племянникамъ, послѣ обычныхъ съ ихъ стороны рукоцѣлованій. Прошу жить съ нимъ мирно и дружно.

Мальчики оглядѣли другъ друга съ головы до ногъ. Костя и не шевельнулся на своемъ стулѣ, не только что не всталъ.

— Что же ты сидишь и къ намъ не подойдешь? сказалъ надмѣнно Гриша, обращаясь къ Костѣ.

— Вы здѣсь хозяева по старшинству прибытія въ домъ дядюшки, вамъ ухаживать за гостемъ, а не гостю за вами, отвѣчалъ Костя, не вставая со стула и размахивая небрежно висячими своими ногами во всѣ стороны.

Потапка опять пробормоталъ что-то похожее на свое: «экой молодецъ!»

Братья Сколпины подошли къ Костѣ и увлекли его за руки въ другія комнаты. Дядя, глядя имъ вслѣдъ, многозначительно покачалъ головою и, помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

— Что, Потапка, скажешь?

— О Костѣ-то?

— Вѣдь онъ не поддастся, даромъ что ихъ двое?

— Куда имъ! молодецъ!

Старикъ Потапъ не любилъ Сколпиныхъ за ихъ дурной нравъ, они частенько выводили его изъ терпѣнія. Этимъ объясняется видимое его предпочтеніе къ новоприбывшему барченку.

И точно, Костя взялъ такую власть надъ двумя своими братцами, что, несмотря на ихъ бойкость, они невольно покорились его вліянію, какъ потому что онъ не разъ имъ доказалъ свою атлетическую силу въ ручныхъ схваткахъ, укрѣпленную въ немъ деревенскимъ образомъ жизни, такъ и по инстинктивному сознанію Гриши и Вани въ умственномъ превосходствѣ Кости.

V.

Пока идутъ дни за днями, пока настaлъ срокъ опредѣленія Кости въ корпусъ, пока Костя обучается тамъ всякимъ наукамъ, вернемся въ село Ванино, къ характерной бригадиршѣ Аннѣ Львовнѣ. Прошло три дня, какъ сынъ ея Костя уѣхалъ въ Покровское. Настало утро того дня, въ которое условлено было послать дядьку Карпушку за Костей. Коляска уже запряжена двумя тучными пѣгими конями. Дядька Карпушка, онъ же и кучеръ, взлѣзъ на козлы, крякнулъ, подобралъ вожжи, махнулъ кнутомъ и крупною рысью выѣхалъ изъ Ванина. Путь не дальній. Вотъ скоро показалась и колокольня Покровской церкви. Коляска подъѣзжаетъ къ Покровскому все ближе и ближе; вотъ она остановилась у крыльца помѣщичьяго дома.

— Что ты, Карпъ Лаврентьичъ, одинъ къ намъ пожаловалъ безъ маленькаго твоего барина? Что его давно у насъ не видать? спросилъ Карпа проходившій по двору господскій кучеръ.

— Да я за нимъ-то и пріѣхалъ. Вѣдь онъ у васъ съ самаго Покрова, отвѣчалъ Карпушка.

— Какъ за нимъ? да мы его и не видали.

— Что ты брешешь, Иванъ, какъ не видали? Я его самъ подвезъ къ вашему саду, а тамъ и повернулъ оглобли. Къ кумѣ въ Дурино завернуть надо было—имянинница была.

— Оно пожалуй и такъ, Карпъ Лаврентьевичъ, но барченка твоего на праздникѣ у насъ не было.

— Какъ не было? Ой-ли? что ты околесную несешь, Иванъ, проговорилъ Карпушка, недовѣрявшій вѣстямъ кучера Ивана. Въ это время на крыльцѣ показался и лакей Кирилла.

— Правду ли Иванъ баитъ, обратился къ нему Карпушка, что нашего Константина Петровича здѣсь не было на праздникѣ?

— И видомъ его не видали, проговорилъ рыжій Кирилла на вопросъ сѣдаго Карпа.

— Да какъ же это такъ? воскликнулъ Карпъ въ совершенномъ смятеніи, снимая картузъ съ головы и отирая потъ, который началъ капать у него со лба. Не пошелъ ли онъ къ вашимъ сосѣдямъ Живкинымъ, у нихъ пять, коли не болѣе мальчугановъ въ семействѣ, такъ Константину Петровичу разсудилось, можетъ, что съ ними веселѣе провести время, чѣмъ здѣсь? прибавилъ кучеръ Иванъ, въ видѣ успокоительнаго предположенія.

— Ну, да и здѣсь-то барскихъ дѣтей было всѣхъ и не перечесть, сказалъ рыжій Кирилла; особенный столъ для нихъ накрывали, кажись, ихъ было болѣе десяти человѣкъ.

— А почему Живкиныхъ-то у васъ небыло, спросилъ Карпушка, хватаясь за предположеніе кучера Ивана, какъ за единственный способъ, могущій вывести его изъ лабиринта сомнѣній.

— Мать ихъ, слышно, очненно больна, отозвался Иванъ.

— Да вѣдь этого нашъ Константинъ Петровичъ не зналъ, не зналъ онъ что и Живкины сюда не пріѣдутъ, какъ же онъ, не зашедши даже сюда, могъ вздумать отправиться къ нимъ въ Мякишово, сказалъ Карпушка печально, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Однако прощайте, ребята, заѣду я въ Мякишово да и къ другимъ сосѣдямъ по близости. Охъ, охъ, охъ! что-то сердечушко щемитъ, какъ будто предчувствуетъ грозу неминучую; достанется мнѣ отъ барыни! Что я буду дѣлать? гдѣ я теперь стану отыскивать моего Костю!..

Такъ жаловался старикъ Карпушка, передъ стоявшими около него кучеромъ Иваномъ и лакеемъ Кириллою. Онъ отеръ непритворную слезу, канувшую на щеку, рукавомъ своимъ, медленно поворотилъ лошадей отъ крыльца, медленно выѣхалъ изъ воротъ господской усадьбы, но вдругъ вздумавъ, что какая нибудь опасность угрожаетъ маленькому его барину, сильно стегнулъ кнутомъ по лошадямъ, кони помчались вскачъ и въ нѣсколько минутъ перелетѣли пространство между Покровскимъ и Мякишовымъ. На всѣ разспросы Карпушки въ Мякишовѣ и во многихъ другихъ усадьбахъ, получилъ онъ въ отвѣтъ, что барина его Константина Петровича не видали. Съ злою тоскою въ душѣ, уже подъ вечеръ, въѣхалъ въ село Ванино Карпъ одинъ на измученныхъ пѣгихъ коняхъ своихъ. Лошади, не ѣвшія съ утра, радостно заржали, завидя свою конюшню, предугадывая, что тамъ ихъ ожидаетъ душистое сѣно и зернистый овесъ. Не то было съ Карпушкой: не радостно возвращался онъ во-свояси, какъ преступникъ, съ поникшею головою взошелъ онъ на крыльцо дома Анны Львовны, не отвѣчая на вопросы всей высыпавшей дворни.

Въ передней дома тѣже вопросы, но ужъ съ примѣсью угрозъ встрѣтили и проводили Карпушку до самыхъ покоевъ бригадирши.

— Ужъ барыня ждетъ тебя не дождется, пропищала быстроглазая и курносая Малашка, въ пестрядинномъ платьѣ.

— Ужъ достанется тебѣ на орѣхи, просипѣлъ хриплымъ го-

лосомъ Антонъ «Головастый», лакей Перскихъ, прозванный такъ по вѣчно склоченнымъ волосамъ, которыхъ никогда не касалась гребенка, и которые увеличивали настоящій объемъ Антоновой головы по крайнѣй мѣрѣ вдвое.

Сопутствуемый подобными рѣчами, Карпушка вошелъ въ покой, гдѣ сидѣла толстая бригадирша у окна, въ кожаныхъ черныхъ креслахъ, и вязала шерстяной чулокъ синяго цвѣта.

— А, наконецъ-то, вы пожаловали, сказала Анна Львовна, снимая очки, которыми былъ осѣдланъ ея носъ, и воткнувъ одну изъ вязальныхъ спицъ въ сѣдые свои волосы. Гдѣ это ты съ шалуномъ пропадалъ цѣлый день?

Карпушка молчалъ.

— А гдѣ же пострѣлъ Костя?

Карпушка брякнулся колѣнками о полъ и жалобно завопилъ:

— Матушка ты моя, родимая, Анна Львовна, не прогнѣвись! виноватъ, безъ вины виноватъ!

Анна Львовна положила чулокъ на оконницу и повернулась вмѣстѣ съ кресломъ къ Карпушкѣ.

— Старый баловникъ! Говори же скорѣе, гдѣ вы пропадали съ Костей цѣлый день-деньской?

— Матушка, Анна Львовна, я вездѣ, по всѣмъ сосѣдямъ ѣздилъ, да нигдѣ не могъ отыскать Константина Петровича.

— Какъ нигдѣ не могъ найти? а въ Покровскомъ? И Анна Львовна, предчувствуя бѣду, поблѣднѣла какъ полотно.

— И въ Покровкомъ нѣтъ. Наступило молчаніе.

Карпушка всталъ съ колѣнъ и, видя, что барыня продолжаетъ молчать, началъ разсказывать, прихныкивая отъ времени до времени, какъ Костя отослалъ его у сада, и какъ нынче онъ тамъ узналъ, что молодаго барина никто не видалъ, а равно въ Мякишовѣ, въ Прибережскомъ и во многихъ другихъ усадьбахъ, которыя онъ объѣхалъ, отыскивая Константина Петровича. Когда Карпушка кончилъ свой разсказъ, Анна Львовна громко зарыдала.

— Господи ты Боже мой! сказала она, куда же это Костя дѣвался? не съѣли ли его волки на дорогѣ изъ Покровскаго въ Мякишово, и Анна Львовна всплеснула руками при такой страшной, хотя и совершенно неправдоподобной мысли.

— Помилуйте, матушка, сказалъ сквозь слезы Карпушка, ну, какъ таки волкамъ среди бѣла дня и въ людномъ мѣстѣ съѣсть Константина Петровича, что и клочка платья отъ него не оста-

лось, вѣдь я по той дорогѣ днемъ ѣхалъ, да никакого признака не нашелъ.

При этихъ словахъ быстроглазая Малашка, уже давно и не разъ просовывавшая голову во время разсказа Карпушки, отворила тихонько дверь, и плача подошла къ барынѣ.

— Не плачьте, не сокрушайтесь, матушка, барыня, сказала она: Константинъ Петровичъ пропалъ не нечаянно, я знаю это невѣрное.

— Какъ такъ? что ты знаешь: спросила Анна Львовна, и радостный лучъ надежды освѣтилъ заплаканное лицо старушки. Что же ты знаешь, говори скорѣе, Малашка, продолжала Анна Львовна дрожащимъ голосомъ, глядя съ безпокойствомъ на вѣстовщицу.

— А вотъ что, матушка барыня; когда Константинъ Петровичъ совсѣмъ уже одѣлся, чтобы ѣхать въ Покровское, то я застала ихъ у буфета. Они нарѣзали нѣсколько толстыхъ ломтей хлѣба и разсовали ихъ по карманамъ. А я и говорю Константину Петровичу: На что это вы молъ столько хлѣба про запасъ съ собою берете, вѣдь до Покровскаго-то всего четверть часа ѣзды, не успѣете проголодаться, а тамъ кулебякамъ и пирогамъ счету не будетъ для праздника. А Константинъ Петровичъ и говоритъ:

— Ну, ты, смотри не разболтай въ домѣ объ этомъ, до моего возвращенія, а когда вернусь домой, я тебѣ скажу, на что мнѣ нуженъ былъ хлѣбъ. Вотъ я молчала объ этомъ, не видя тутъ большой важности, а теперь матушка, барыня, глядя на слезы ваши, и вспомнила, что видно молодой-то нашъ баринъ не даромъ съ собою хлѣба набралъ, видно въ какую даль уйти задумалъ.

Кончивъ свой разсказъ, Маланья остановилась. Анна Львовна, помолчавъ немного, тихо проговорила:

— Хорошо, Малаша, ступай въ дѣвичью, спасибо за вѣсть. Видно точно Костя ушелъ съ намѣреніемъ. А ты, Карпушка, бѣги къ отцу Арсентію и позови его ко мнѣ.

Анна Львовна, облокотившись на окно, долго смотрѣла безсознательно на плывшія по небу облака. Слезы струились по ея полному лицу, она не утирала ихъ. Только разъ, до прихода священника, она вздохнула и сказала вслухъ: Ахъ, Костя! Костя! Какъ у тебя хватило духу покинуть старуху мать!

Дверь скрыпнула и священникъ села Ванина, знакомый намъ отецъ Арсеній, тихо вошелъ въ комнату, помолился иконѣ, висѣвшей въ углу и также тихо спросилъ:

— Что вамъ угодно, Анна Львовна, вы желали видѣть меня?

Анна Львовна, погруженная въ свои грустныя размышленія, не слыхала и не обернулась къ вошедшему.

— Здравствуйте, матушка Анна Львовна, сказалъ священникъ, гораздо громче.

— Ахъ, это вы батюшка, здоровы ли вы?

— Слава Богу, пока Господь милуетъ.

— Мнѣ надо переговорить съ вами, отецъ Арсеній, сядьте-ко да побесѣдуемъ немного. Слышали вы новость?

— Да, сейчасъ, идучи сюда, я слышалъ отъ Карпа, что вашъ сынокъ пропалъ безъ вѣсти.

— Какъ же вы полагаете, куда онъ дѣлся?

— Я полагаю, что Костя преднамѣренно оставилъ родительскій домъ, и что о жизни его тревожиться вамъ будетъ напрасно.

— Ахъ, отецъ Арсеній, достало же у Кости духу бросить мать!

— Мнѣ сдается, что Костя не съ дурнымъ намѣреніемъ покинулъ васъ; я знаю его нравъ и умъ, развитый не по лѣтамъ, я знаю, что онъ всегда горячо любилъ васъ.

— Хорошо любилъ, когда бросилъ старуху! сказала Анна Львовна въ горечью.

— Анна Львовна, Кости тяжело было оставаться безъ занятія, ему страхъ хотѣлось учиться, не потому ли онъ оставилъ васъ? Мнѣ кажется, что онъ не приминетъ утѣшить васъ вѣсточкой о себѣ.

— Дай-то Богъ, сказала Анна Львовна, сдавливая вздохъ и удерживая слезы. Но гдѣ же онъ? Что онъ намѣренъ дѣлать?

Не успѣла Анна Львовна произнесть эти восклицанія, какъ Карпъ вбѣжалъ, запыхавшись, въ комнату и объявилъ, что какой-то купецъ Онисимъ Рыбкинъ, пріѣхалъ въ село и проситъ позволенія увидѣть помѣщицу, бригадиршу Перскую, къ которой привезъ письмо отъ ея сына. Анна Львовна всплеснула руками и не могла произнести ни одного слова отъ радости.

Отецъ Арсеній велѣлъ Карпу ввести купца, и знакомецъ нашъ Онисимъ Григорьичъ взошелъ въ комнату, помолился усердно иконамъ, подошелъ подъ благословеніе священника, поцѣловавъ его руку и поклонился Аннѣ Львовнѣ.

— Осмѣлюсь спросить, я имѣю честь, началъ купецъ, видѣть, примѣромъ будучи, помѣщицу села Ванина?

— Точно такъ.

— Такъ-съ. А что, ваше высокородіе, не изволите ли, примѣромъ будучи, безпокоиться о сынишкѣ вашемъ?

— Какъ же, почтенный, какъ было не безпокоиться? вотъ уже четыре дня, какъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

— Такъ-съ. А я, примѣромъ будучи, привезъ объ немъ вѣсточку. И купецъ подалъ помѣщицѣ письмо Кости.

Анна Львовна не мастерица была читать по писанному, и потому держала письмо въ рукѣ, не торопясь вскрыть его.

— А гдѣ же ты его видѣлъ, мой отецъ?

Онисимъ Григорьичъ разсказалъ Аннѣ Львовнѣ, что уже извѣстно нашимъ читателямъ, на счетъ своей встрѣчи и знакомства съ Костей. Когда онъ кончилъ разсказъ, Анна Львовна приподнялась съ трудомъ съ своихъ креселъ и сказала:

— Позволь мнѣ поблагодарить тебя, родимый, позволь поцѣловать, что ты накормилъ и обогрѣлъ моего сына.

Купецъ приблизился къ Аннѣ Львовнѣ, придержалъ одною рукою густую свою бороду, другою обнялъ тучный торсъ бригадирши и чмокнулся съ нею три раза со щеки на щеку, довольный такимъ знакомъ доброжелательства отъ такой сановитой особы.

— Ну, кормилецъ ты мой, пусть Богъ тебѣ воздастъ сторицею за доброе дѣло, сказала Анна Львовна, свершивъ процессъ лобызанія.

— Да когда же ты видѣлъ моего Костку?

— Я сегодня утромъ только что отправилъ его съ своимъ прикащикомъ Ѳаддеемъ, а къ вечеру поспѣшилъ сюда, успокоить васъ.

— Да что, твой Ѳаддей надежный ли человѣкъ? хорошо ли онъ довезетъ Костю въ Петербургъ?

— Будьте спокойны и благонадежны матушка, Анна Львовна. Ужъ не въ первый разъ Ѳаддею совершать знакомый путь.

Анна Львовна упросила Рыбкина остаться ночевать въ Ванинѣ, такъ какъ время уже было позднее, и на другой только день, накормивши купца за своимъ столомъ, разными кулебяками, пышками съ домашнимъ вареньемъ и сладкимъ пирогомъ съ черносливомъ, отпустила добраго купца, прося хоть изрѣдка навѣщать ее и привозить разнаго товару. По отъѣздѣ Рыбкина, Анна Львовна попросила отца Арсенія прочитать ей письмо Кости, которое пролежало до тѣхъ поръ подъ синимъ чулкомъ, въ рабочемъ баулѣ помѣщицы.

Отецъ Арсеній плавно и внятно прочелъ слѣдующее:

«Дражайшая и любезнѣйшая моя родительница!

Простите, что я скрылся изъ дому отчаго, не сказавъ о томъ никому. Я боялся, что меня задержатъ и не пустятъ. А я хочу быть офицеромъ, какъ Алеша Жилбяковъ, который съ своею родительницею пріѣзжалъ къ намъ въ мундирѣ. Къ тому же на свадьбѣ сосѣдняго прикащика я подслушалъ разговоръ гостей, въ которомъ меня называли неучемъ, а васъ обвиняли за то, что меня думаете дома держать. Я и думалъ своимъ поступкомъ исправить все. Въ Петербургѣ отыщу дядюшку, онъ меня какъ-разъ сдѣлаетъ офицеромъ, онъ такой важный человѣкъ и начальникъ надъ мальчиками. Когда я буду такой же важный, какъ дядюшка, я пріѣду къ вамъ расцѣловать ваши ручки. Потерпите немножко, дражайшая родительница, цѣлую ручки ваши сто мильоновъ разъ и кланяюсь отцу Арсенію и всѣмъ домашнимъ.

Покорный сынъ вашъ, Костя.

Не браните Карпушку, онъ ни въ чемъ не виноватъ.»

Когда отецъ Арсеній кончилъ чтеніе, то замѣтилъ, что Анна Львовна гнѣвно свела брови и стучала пальцами по стеклу. Этимъ всегда означалась внутренняя буря и недовольство своенравной бригадирши.

— Это, матушка, Анна Львовна, добрыя вѣсти отъ Кости! и меня вспомнилъ, спасибо ему!

Анна Львовна все не переставала барабанить по стеклу.

— Вы чѣмъ-то недовольны, матушка, Анна Львовна, а кажись все хорошо.

— Оно хорошо, а все бы лучше было Костѣ къ брату Аполинарію Львовичу на ласку и покровительство не напрашиваться.

— Какъ же это можно, Анна Львовна, вѣдь Петербургъ для Кости все равно, что лѣсъ; къ кому же ему и обратиться, какъ не къ родному дядѣ?

— Коли я не хочу знать брата, такъ и Костѣ неслѣдуетъ узнавать его.

— Господь Богъ повелѣваетъ забывать и прощать обиды, матушка Анна Львовна, а вы еще не знаете, не противъ ли воли обидѣлъ васъ братецъ вашъ.

— Да уже гдѣ тутъ противъ воли! Загордился больно своею знатностью... да я вѣдь и сама бри-га-дир-ша, сказала Анна Львовна, съ извѣстною намъ интонаціею и съ ея особеннымъ спо-

собомъ выговаривать букву р., причемъ она, по обыкновенію, закинула назадъ голову.

— Прежде чѣмъ вы стали бригадиршей, вы уже были родною сестрою вашего братца, вотъ что вамъ не угодно вспомнить, Анна Львовна.

— Ну, да уже полноте, отецъ Арсеній, полноте, пожалуйста, сказала твердо помѣщица. Такъ или почти такъ заканчивались всѣ разговоры Перской съ отцемъ Арсеніемъ. Когда, бывало, Анна Львовна скажетъ свое: «полно, полно-те!» священникъ прекратитъ разговоръ и, повременя не много, распростится съ бригадиршей и уйдетъ. Тѣмъ и теперь заключился тревожный день. Анна Львовна, не смотря на свое огорченіе, какъ будто успокоилась. Ей по временамъ казалось, что доводы священника справедливѣе ея противорѣчій, и теперь Анна Львовна почти радовалась, что все устроилось къ лучшему, хотя и противъ ея воли.

VI.

Прошло три года. Анна Львовна часто получала письма отъ Кости. Онъ былъ уже кадетомъ въ выпускномъ классѣ. Костя въ свое время подробно описалъ матери свое путешествіе въ Петербургъ, пріемъ дяди, радушный и родственный, ласки и попеченія его, свое опредѣленіе въ морской корпусъ, и часто описывалъ корпусную жизнь. Анна Львовна, поневолѣ должна была простить брату неуваженіе къ *старшей сестрѣ* и къ сану *бригадирши*. Мы уже говорили, что Анна Львовна не могла даже читать по писанному, не только сама писать, то сношенія ея съ братомъ Аполинаріемъ Львовичемъ не возобновлялись. Разъ или два въ годъ, отецъ Арсеній увѣдомлялъ Костю о здоровьѣ матушки, и то не иначе, какъ при «оказіи», то есть, съ посылкою въ Петербургъ подводы изъ села Ванина, съ разными деревенскими продуктами для сына, для его товарищей и наставниковъ.

Тяжело становилось подъ часъ бригадиршѣ въ разлукѣ съ любезнымъ сыномъ. Мысль побывать въ Петербургѣ, взглянуть на матушку-Царицу, расцѣловать и обнять Костю, все чаще и чаще стала забѣгать въ ея голову. Конечно, трудно было рѣшиться на подобный подвигъ: ужъ болѣе тридцати лѣтъ не выѣзжала она изъ села далѣе 50-ти верстъ, а въ послѣдніе годы не выѣзжала вовсе. Но на что не можетъ рѣшиться любовь матери?..

Посовѣтовавшись съ отцемъ Арсеніемъ, снарядивъ двѣ брички,

одну для себя и трехъ комнатныхъ дѣвокъ, безъ которыхъ Анна Львовна не могла бы прожить дня, а другую для постелей своихъ и подушекъ, для гостинцевъ и деревенскихъ подарковъ, назначенныхъ Костѣ; отслуживъ молебенъ, Анна Львовна, разъ въ ясный сентябрскій день выѣхала изъ Ванина, сопровождаемая шестью человѣками дворни. Брички были запряжены тройками, лошади обвѣшаны бубенчиками, а на обѣихъ коренныхъ звѣнѣли два колокольчика, которымъ можно было обидѣться, что ихъ называютъ уменьшительнымъ именемъ. Весь этотъ звонъ и дребезжаніе, при движеніи бричекъ, составлялъ достойный акомпаниментъ величественному поѣзду и ещё болѣе величавой хозяйкѣ поѣзда. Она сидѣла на трехъ ярусахъ подушекъ, произведеній ея собственнаго птичьяго двора, и тучный подбородокъ ея покоился на трехъ же рядахъ иныхъ подушекъ, пріобрѣтенныхъ сидячею спокойною сельскою жизнью.

Наконецъ, послѣ десятидневнаго странствованія и хлопотливыхъ ночлеговъ, путь Анны Львовны былъ конченъ. Рыдваны ея въѣхали въ заставу Петрова града.

Бригадирша не вздумала даже поѣхать къ брату или остановиться въ его домѣ. Брички, по ея приказанію, остановились у гостиницы для пріѣзжающихъ. Анна Львовна заняла въ ней помѣщеніе, состоявшее изъ трехъ комнатъ: пріемной, спальни и дѣвичьей, ровно столько, сколько нужно было по расчетамъ бригадирши. Дѣвичья завалена была чуть не до самаго потолка всѣмъ скарбомъ, выбраннымъ изъ обѣихъ бричекъ; но дѣвушки не роптали, потому что знали, что онъ будетъ убывать ежедневно, и что съ каждымъ днемъ комната ихъ будетъ становиться просторнѣе. Надо сказать, что въ первые дни пребыванія ихъ въ Петербургѣ, спать дѣвушкамъ почти было негдѣ. Смѣтливая Малашка ухитрилась уложить свертки холста такъ, что они замѣнили ей постель, куда она и взбиралась на ночь. Случалось, что этотъ, такъ сказать, холщевой костеръ, разсыпался къ утру, отъ тревожныхъ движеній, и спавшая на импровизированной кровати, часто удивлена была, очутившись на полу. Карпушка ночевалъ въ корридорѣ, у дверей дѣвичьей, а два кучера внизу, около лошадей.

Анна Львовна, поубравшись не много послѣ дороги, на утро другаго дня послала Карпа въ Морской корпусъ. Случилось, что это былъ праздничный день. Костя чуть не умеръ съ радости, узнавъ Карпа и услышавъ, что мать его въ Петербургѣ. Едва довѣряя ушамъ своимъ, онъ поспѣшно одѣлся и бросился въ го-

стиницу, гдѣ остановилась Анна Львовна. Карпъ едва могъ слѣдовать за своимъ молодымъ бариномъ.

— Да постой же ты, живчикъ этакой, кричалъ онъ Костѣ: да какъ же ты выросъ, Константинъ Петровичъ, выше меня, ей-ей выше.

И Карпъ останавливалъ Костю, какъ будто съ намѣреніемъ помѣряться съ нимъ ростомъ, но болѣе для того, чтобъ передохнуть отъ поспѣшной ходьбы.

— Выше меня, выше меня! повторялъ Карпъ, успѣвшій ухватиться за своего молодаго барина.

— Пойдемъ, пойдемъ же, Карпушка, смѣряемся въ гостиницѣ, говорилъ Костя, тоже едва переводя духъ, но не отъ усталости, а отъ сердечнаго волненія. Что, Карпуша, матушка? продолжалъ Костя, здорова ли? весела ли? И не слушая отвѣта, Костя мчался впередъ, соображая очень основательно, что чѣмъ терять время въ распросахъ, лучше самому поскорѣе въ томъ удостовѣриться лично.

Костя вбѣжалъ къ матери и бросился обнимать Анну Львовну. Счастливая бригадирша не могла произнести ни одного слова отъ радости, и оба, обнявшись, долго молчали и плакали.

— Костя, другъ мой, сказала наконецъ мать и отдалила сына руками отъ себя, чтобъ лучше разглядѣть его. Какъ ты выросъ! какъ возмужалъ, какъ похорошѣлъ!

— Милая маменька! могъ только проговорить Костя, цѣлуя ея руки. Анна Львовна съ гордостью и самодовольствомъ любовалась своимъ милымъ сынкомъ. Передъ нею стоялъ рослый, шестнадцатилѣтній юноша, съ прекраснымъ, благороднымъ, открытымъ лицомъ. Слезы радости, блиставшія въ его голубыхъ глазахъ, придавали имъ еще болѣе нѣжное выраженіе, а остальныя черты лица носили на себѣ оттѣнокъ твердости и мужества. На губахъ пробивался легкій, свѣтлорусый пухъ возникающей бороды, а каштановые густые волосы украшали лобъ и голову густыми волнистыми кудрями, которымъ пудра придавала особенную прелесть.

— Скоро-ли ты окончишь свое ученье, и каково оно идетъ, спросила Анна Львовна, налюбовавшись вдоволь сыномъ.

— На будущій годъ надѣюсь быть офицеромъ; я уже пожалованъ гардемариномъ, отвѣчалъ Костя, съ легкимъ оттѣнкомъ самодовольства.

Карпъ, стоявшій въ продолженіе всей сцены свиданія у две-

рей комнаты, и неразъ утиравшій рукавомъ слезы, почелъ за нужное вмѣшаться въ разговоръ.

— Пока Константинъ Петровичъ изволили сбираться, чтобъ идти сюда, я разспрашивалъ о нихъ и узналъ, что они первый по наукамъ по всему корпусу. Похвалы имъ такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

— Награди тебя Господь, милый Костя, за радость, какую ты приносишь этимъ твоей матери, сказала Анна Львовна. Грустно вспомнить, что я чуть не помѣшала тебѣ быть порядочнымъ человѣкомъ! Охъ, ты далеко пойдешь, Костя, мать тебѣ это предсказываетъ.

— Дай-то Богъ, матушка, сказалъ Костя, вашими устами медъ пить, и довольный сынъ поцѣловалъ снова руку матери.

Анна Львовна прожила двѣ недѣли въ Петербургѣ; зазывала товарищей Кости къ себѣ, угощала ихъ на славу, отпускала ихъ всегда съ полными карманами разныхъ деревенскихъ лакомствъ. Никто не обидѣлъ старушку отказомъ; Анна Львовна не забыла даже корпусныхъ служителей: кого наградила моткомъ нитокъ, кого связкою сушеныхъ грибовъ. За то ни одного изъ товарищей Кости недоставало духу сердиться на Анну Львовну, когда она зачастую говаривала имъ: «гдѣ вамъ съ моимъ Костей сравняться! гдѣ вамъ! вы ему и въ подметки негодитесь; Костя далеко пойдетъ!» Костя не разъ упрашивалъ мать не говорить этого товарищамъ, не зарождать въсердцахъ ихъ зависти къ его успѣхамъ и не обижать ихъ пренебреженіемъ; Анна Львовна давала слово воздержаться, и при первомъ представлявшемся случаѣ опять говорила его товарищамъ, несмотря на знаки сына: Ну, гдѣ вамъ! вы и до щиколотки Костиной не подходите, далеко Костя пойдетъ, я вамъ говорю, далеко!

Вскорѣ послѣ этого Анна Львовна стала сбираться въ Ванино. Она обѣщала Костѣ пріѣхать къ нему снова въ Петербургъ, если еще будетъ жива, на будущій годъ, когда онъ будетъ произведенъ въ офицеры, какъ для того, чтобъ снова полюбоваться имъ въ офицерскомъ мундирѣ, такъ и для того, чтобъ взглянуть на Матушку-Царицу, которую она немогла видѣть теперь по случаю выѣзда Государыни въ Крымъ.

Прошелъ годъ. Константинъ Петровичъ Перскій произведенъ въ офицеры, и сталъ еще молодцоватѣе и красивѣе прежняго. Рослый, бѣлый, румяный, съ русыми волосами, голубыми глазами, съ выраженіемъ въ нихъ смѣтливости и нѣкоторой задумчивости,

Костя былъ типомъ русской красоты. Анна Львовна сдержала свое слово. Она явилась снова въ Петербургъ, но на этотъ разъ уже остановилась у брата, съ которымъ примирилась еще въ первый свой пріѣздъ, тронутая тѣмъ, что Аполинарій Львовичъ не переставалъ осыпать племянника ласкою и заботливостью. Во второй пріѣздъ бригадирши въ столицу, ей посчастливилось наконецъ увидать Императрицу.

— Теперь я умру спокойно, сказала она веселымъ голосомъ: наконецъ я видѣла нашу Матушку-Царицу. Прощай, Питеръ, я больше тебя не увижу.

Костя всячески старался отвести Анну Львовну отъ мысли о смерти, но бригадирша стояла на-своемъ.

Предчувствія старушки сбылись. Возвратясь въ Ванино, она почувствовала, что отдышка ее сдѣлалась сильнѣе. Исполнивъ послѣдній христіанскій долгъ, бригадирша закрыла глаза на вѣки, сопутствуемая, при переходѣ ея въ жизнь будущую молитвами отца Арсенія, не отходившаго отъ больной во все время ея предсмертныхъ мукъ.

VII.

Долго грустилъ Константинъ Петровичъ о потерѣ любимой матери. Мало по малу время изгладило горесть, какъ изглаживаетъ оно всѣ земныя скорби.

Долго странствовалъ Перскій по сушѣ и морямъ, и дожилъ наконецъ до тридцатилѣтняго возраста. Чаще и чаще стала ему приходить мысль, что пословицы—разумъ народа, и что одна изъ нихъ говорила: худо тому, кто въ 20 лѣтъ не уменъ, въ 30 не женатъ, въ 40 не богатъ. Первый срокъ прошелъ для него очень счастливо: онъ хорошо учился, слылъ умнымъ малымъ, и сравнивая себя съ другими, находилъ, что слава о немъ не совсѣмъ была мыльнымъ пузыремъ. Наступилъ для него второй срокъ. Ему уже тридцать лѣтъ, а онъ еще не женатъ; онъ былъ и не богатъ, но по смыслу пословицы, ему оставалось еще полныхъ десять лѣтъ на пріобрѣтеніе состоянія, и потому, отложивъ попеченіе о дальнѣйшемъ, Перскій сталъ частенько задумываться о настоящемъ. При повѣркѣ своего нрава, Перскій нашелъ, что уже съ полдюжины привязанностей разныхъ видовъ и степеней не разъ шевелили его молодое сердце. Какъ положиться на это

сердце и на постоянство, необходимое женатому человѣку, котораго въ этомъ сердцѣ еще пока не оказывалось?

Въ такую-то пору тревожныхъ думъ и сомнѣній, вздумалось Перскому заглянуть въ свое село Ванино.

Пріѣхавъ туда, Перскій осмотрѣлъ хозяйство, взошелъ въ нужды крестьянъ, замѣнилъ стараго, избаловавшагося старосту другимъ, честнымъ и зажиточнымъ мужикомъ, и устроивъ свои хозяйственныя дѣла, поѣхалъ, передъ выѣздомъ въ Петербургъ, къ деревенскимъ своимъ сосѣдямъ отрекомендоваться, познакомиться и развлечься отъ хозяйственныхъ хлопотъ. Между сосѣдями было одно семейство, извѣстное въ окружности богатствомъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своихъ членовъ.

Отставной секундъ-маіоръ Николай Семеновичъ Огневъ владѣлъ двумя тысячьми душъ, не заложенныхъ ни въ какомъ кредитномъ учрежденіи. Супруга его Марѳа Петровна славилась въ свое время красотою, но множество дѣтей обоего пола уменьшили и здоровье, и красоту ея. Въ пріѣздъ Константина Петровича Перскаго, дѣти помѣщиковъ Огневыхъ были, какъ говорится, малъ-мала-меньше. Старшей ихъ дочери Ѳешенькѣ, то есть Ѳедосьѣ Николаевнѣ, было тринадцать лѣтъ. За нею слѣдовали все погодки, четыре брата и пять сестеръ. Ѳешенька, не смотря на свое дѣтство, была уже красоты замѣчательной и обращала вниманіе всѣхъ окружныхъ холостяковъ того времени, когда матери и бабки наши вѣнчались едва вышедъ изъ пеленокъ. Черно-каріе ея глаза, темныя дугою брови, прелестныя очертанія носа и губокъ, полненькія, слегка розовенькія щечки и молочной бѣлизны лицо съ перваго раза плѣнили Константина Петровича. Въ тѣ времена разговоровъ между молодыми людьми много не допускалось, и Перскій, не думая долго, влюбленный и очарованный красотою Ѳешеньки, попросилъ у родителей ея руки. Перскій уже былъ капитаномъ 2-го ранга, молодецъ видомъ и лицомъ, хорошей, древней русской фамиліи, и родители Ѳешеньки ударили съ нимъ по рукамъ. Свадьбѣ положено быть не ранѣе, какъ черезъ годъ, чтобъ дать время Ѳешенькѣ дорости, сформироваться и докончить образованіе. Счастливый женихъ, пробывъ остальное время до окончанія своего отпуска въ домѣ родителей своей невѣсты, имѣлъ возможность покороче узнать нравъ Ѳешеньки, и не нашелъ причины раскаяваться въ своемъ довольно поспѣшномъ сватовствѣ. Ѳешенька была отъ природы умна и чувствительна. Насталъ срокъ отъѣзда Перскаго.

Совершенъ былъ обрядъ обрученія. Грустно было Перскому покинуть прелестное созданіе, на которое онъ уже имѣлъ права, какъ обрученный женихъ. Положено было, что Ѳешенька будетъ писать жениху обо всѣхъ своихъ занятіяхъ и наукахъ, непремѣнно разъ въ мѣсяцъ: Женихъ обѣщалъ по временамъ присылать невѣстѣ книги, ландкарты и все, что найдетъ необходимымъ, чтобъ споспѣшествовать успѣхамъ ея образованія. Женихъ уѣхалъ Николай Семеновичъ и Марья Петровна Огневы обратили все свое вниманіе и приложили всѣ способы къ лучшему и скорѣйшему окончанію воспитанія Ѳешеньки, тѣмъ болѣе, что ей предстояла столичная жизнь, между тогдашнимъ цвѣтомъ образованности. Перскій по родству съ Аполинаріемъ Львовичемъ, вельможею Екатерининскихъ временъ, имѣлъ доступъ въ лучшіе домы Петербургскаго общества, первенствовавшіе по сану, богатству или образованію.

Ѳешенька, не смотря на прилѣжное ученье, которое шло очень успѣшно, оставалась настоящимъ ребенкомъ. Постоянное пребываніе въ деревнѣ и въ семействѣ отдаляло отъ нея познаніе свѣта и людей. Ѳешенька не переставала играть въ куклы, не смотря на то, что была невѣстою, и хотя прятала ихъ отъ учителей, но говорила объ нихъ въ письмахъ къ Костѣ, такъ позволено ей было называть нарѣченнаго, котораго она полюбила всею горячностью дѣтской души.

Родители Ѳешеньки хотя и читали письма ея къ жениху, но не измѣняли въ нихъ слова, находя необходимымъ, чтобъ дочь ихъ казалась ему тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—совершеннымъ ребенкомъ, требующимъ отъ будущаго своего мужа, кромѣ супружеской любви, и любви отеческой. Представляемъ первое письмо Ѳешеньки, какъ образецъ переписки съ петербургскимъ женихомъ. Въ немъ исправлены только нѣкоторыя орѳографическія ошибки.

«Милый мой Костенька!

Съ самаго твоего отъѣзда я безостановочно занималась разными науками и особенно географіею, которую ты мнѣ рекомендовалъ, потому что замѣтилъ, что я ее знала плоховато. Мнѣ теперь учиться очень весело, потому что я думаю тѣмъ угодить тебѣ; къ томужъ и маменька и папенька часто повторяютъ, что мнѣ будетъ стыдно, если я буду неученой между петербургскими дамами.

Признаюсь, я не столько думаю о томъ, что скажутъ посторон-

ніе, какъ боюсь, что ты останешься недоволенъ моими успѣхами: ты такъ просилъ меня учиться прилежнѣе и какъ-то говорилъ, что мнѣ пора ужъ не играть болѣе въ куклы; я всѣ игрушки свои раздарила сестрамъ и братьямъ, только не могла разстаться съ большою куклой, помнишь, которая въ голубомъ платьецѣ и съ настоящими волосами на головѣ. Я ей сшила безъ тебя розовое платье, и почти всякій день завиваю ее въ папильотки, помажу и расчесываю. Мнѣ очень жаль разстаться съ этой куклой, я съ нею все говорю о тебѣ. Прощай, милый Костенька, скоро придетъ весна, настанетъ и лѣто, и ты пріѣдешь къ намъ. Зачѣмъ ты увезешь меня въ Петербургъ? не лучше ли было бы тебѣ остаться съ нами, всѣмъ вмѣстѣ жить было бы веселѣе.—Мы получили твои ландкарты, и я очень тебя за нихъ благодарю. Маменька и папенька тебѣ кланяются и мосье Сантеръ, мой учитель французскаго языка, тоже. Твоя любящая невѣста Ѳедосья Огнева.»

Перскій съ своей стороны писалъ нѣжныя письма къ Ѳешенькѣ, пересыпая однако нѣжныя рѣчи наставленіями.

Мелькнулъ годъ, какъ мигъ. Перскій прискакалъ въ Машино, не заглянувъ даже въ Ванино. Годъ разлуки не охладилъ его, а напротивъ, увеличилъ страсть. Ѳешенька выросла чуть не на цѣлую голову противъ прошлогодняго; и хотя ей еще не было полныхъ четырнадцати лѣтъ, но обрядъ вѣнчанія былъ свершенъ, и послѣ краткаго пребыванія у Огневыхъ, Перскій съ красавицею женою уѣхалъ снова въ Петербургъ. Красота жены его сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія. Нельзя было не замѣтить ее самому разсѣянному и равнодушному зрителю.

Между тѣмъ какъ Перскій наслаждался своей брачной жизнью‘ событія слѣдовали одно за другимъ. Уже десять лѣтъ прошло царствованію Александра, приближался знаменитый двѣнадцатый годъ нашего столѣтія. Перскій перешелъ въ полевую службу, командовалъ отдѣльною частью, и въ памятную годовщину защиты отечества отъ нашествія враговъ, не разъ отличался на поляхъ битвъ. Разнесся слухъ о походѣ за границу.

Десять лѣтъ супружества не только не охладили любви ея къ Константину Петровичу, но напротивъ, развили ее до крайнихъ предѣловъ. Перскій любилъ жену свою сильно, но не страстно. Онъ подчасъ не упускалъ случая полюбезничать съ хорошенькою женщиною, хотя эти любезности не имѣли никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ гостиной болтовни. Красавица жена терза-

лась и ревновала, и по любви, и по самолюбію. Поразительная красота ея была не въ силахъ совершенно остепенить мужа. И бѣдная Ѳешенька мучилась, терзалась, не была спокойна ни минуты. Ѳешенькѣ былъ 25-й годъ, пора разгара страстей въ женщинѣ. Мысль отпустить мужа во Францію, въ Парижъ, этотъ новый Вавилонъ, ужасала Ѳешеньку. Ею овладѣла мысль, какъ бы послѣдовать за мужемъ. Отчаяніе внушило ей отважное намѣреніе. Любовь, какъ извѣстно, хитра на выдумки.

Начались приготовленія къ походу. Ѳешенька выказала себя въ нихъ совершенною героиней. Она безжалостно обрѣзала свою темную густую косу, приготовляясь носить денщицкую фуражку. Долгъ и справедливость велитъ мнѣ замѣтить, что такой страшной рѣшимости не мало помогла мода, только что появившаяся въ Парижѣ носить короткіе, завитые волосы. Прическа эта называлась à la Brutus—по имени парикмахера, ея изобрѣтателя.

Трудно было отвести глаза отъ милаго денщика, въ курчавыхъ завиткахъ, въ венгеркѣ темнаго цвѣта со шнурками на груди, съ бѣлымъ воротничкомъ мужской рубашки, падавшимъ на воротникъ венгерки. Но дорого заплатила Ѳешенька за свою рѣшимость: она стоила ей жизни! Вынужденная раздѣлять съ войсками всѣ неудобства и лишенія походной жизни, привычныя для мужчинъ, спать иногда подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ и снѣгомъ, на соломѣ, Ѳешенька сдѣлалась жертвою своей рѣшимости и ревнивой любви къ мужу.

Совершивъ благополучно походъ къ Парижу вмѣстѣ съ русскою арміею, Ѳешенька на возвратномъ пути почувствовала, что ей придется снова быть матерью. Она оставила въ Россіи трехъ малютокъ дочерей на попеченіе ихъ бабушки, въ Машинѣ. Не смотря на всевозможныя предосторожности, роды послѣдовали преждевременно. Это событіе случилось уже въ царствѣ Польскомъ. Перскій испросилъ у начальства позволеніе остаться при больной женѣ, между тѣмъ, какъ побѣдоносная армія возвращалась въ свое отечество. Константину Петровичу не привелось видѣть торжествъ и тріумфовъ, съ какими были встрѣчаемы храбрые защитники отчизны.

Бѣдная Ѳешенька, еще худо оправившаяся послѣ болѣзни, едва могла дотащиться до Петербурга. Болѣзнь оставила страшные слѣды: злая чахотка свела ее въ раннюю могилу на 24-мъ году отъ рожденія, въ полномъ расцвѣтѣ силы и красоты.

Константинъ Петровичъ едва не лишился разсудка отъ отча-

янія. Горька была для него потеря матери, но потерять любимую жену, мать многочисленнаго семейства, въ самомъ его юномъ возрастѣ, было для него во сто разъ мучительнѣе.

Положеніе Перскаго было точно не завидное, но онъ не умеръ съ горя, а началъ помышлять о средствахъ помочь своей бѣдѣ. Я уже говорила, что у Огневыхъ было двѣ тысячи душъ. Вмѣстѣ взятыя, онѣ составляли порядочное состояніе, но раздѣленныя, едва могли обезпечить дѣтей Перскаго, которымъ приходилась по матери четырнадцатая часть дѣдовскаго наслѣдства. Надо было серьозно подумать о будущности сиротъ. Двѣ старшія дочери Перскаго были момѣщены въ казенныя заведенія, тотчасъ по смерти ихъ матери. Третья же дочь, которой въ минуту смерти матери было не болѣе полутора года, поступила на попеченіе старушки Мареы Петровны и полудюжины тетушекъ, одна другой моложе. Въ именахъ дѣтей Перскаго была особенность, рѣдко встрѣчаемая въ другихъ семействахъ. Когда родилась третья дочь Перскаго, то вторая была больна при смерти. Ожидали ея смерти, какъ событія неотразимаго никакою наукою. Чтобъ сдѣлать потерю эту менѣе замѣтною для огорченной Ѳешеньки, Константинъ Петровичъ, назвалъ новорожденную дочь именемъ больной. Но какъ не рѣдко случается въ разсчетахъ людскихъ, и еще чаще въ разсчетахъ медиковъ, больная малютка выздоровѣла, и двѣ дочери Перскаго носили одно имя, и та и другая назывались Любовью, старшую звали Вѣрой, а сына Петромъ. Въ послѣдствіи, когда дѣвочки подросли, вторую дочь, рожденную въ памятный 1812 годъ, въ годъ кометы, для отличія отъ сестры называли: «Кометою». Жизнь ея оправдала названіе, и будетъ сюжетомъ особеннаго повѣствованія. А теперь займемся судьбою сестеръ ея по старшинству: a tout seigneur, tout honneur.

VIII.

Въ такомъ положеніи были дѣла Перскаго, когда въ одно прекрасное утро ему вспала на умъ несчастная мысль жениться вторично. Онъ случайно познакомился съ одною вдовой, у которой тоже были двѣ дочери отъ перваго брака. Вдова имѣла кромѣ того дѣло, которое при счастливомъ исходѣ могло принести ей значительное богатство.

Не знаю, чѣмъ сильнѣе плѣнился Перскій, прелестями ли вдовы, или перспективою этого богатства, но вѣрно то,

что онъ ухватился за мысль соединить свою судьбу съ судьбою вдовы съ поспѣшностью и пылкостью влюбленнаго, съ слѣпотою, отличающею искони влюбчивость отъ прочихъ движеній человѣческаго сердца. Онъ сталъ разсуждать, какъ ему тогда казалось, логически, что будущее богатство вдовы, внесенное въ семью его, обезпечитъ существованіе всѣхъ дѣтей, и двухъ дочерей вдовы, и его собственныхъ, и даже могущихъ произойти отъ новаго брака. Перскому казалось, между прочимъ, что вдова влюблена въ него по уши; къ прочимъ расчетамъ онъ присовокупилъ и тотъ расчетъ, что изъ любви къ нему, Лизавета Ивановна (имя вдовы) станетъ доброю матерью его дѣтямъ, и если не замѣнитъ имъ настоящей матери, то по крайней мѣрѣ, будетъ для нихъ надежною путеводительницею на житейскомъ поприщѣ.

Свадьба совершилась. Перскій съ каждымъ днемъ влюблялся въ жену все болѣе и болѣе, хотя она не отличалась ни красотою, ни умомъ, ни образованіемъ, ни душевными качествами. Кто разрѣшитъ это психическое явленіе? Почему человѣкъ иногда безъ причины становится равнодушенъ къ совершенствамъ, которыя прежде плѣняли его? На многія *почему* не отвѣтили бы мнѣ и первѣйшіе мудрецы міра, еслибъ я вздумала предложить имъ ихъ на разрѣшеніе?

Перскій все болѣе и болѣе привязывался къ женѣ, къ призраку, который онъ украшалъ въ своемъ воображеніи небывалыми достоинствами. Сравненіе второй жены съ милой, поэтической Ѳешенькой, еще не заглянуло въ его голову, самая память о ней, казалось, заглохла въ его сердцѣ.

Со вступленіемъ Лизаветы Ивановны въ домъ Перскаго, онъ совершенно перемѣнился. Изъ мужчины съ характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, онъ сдѣлался рабомъ всѣхъ прихотей жены, уже не молодой и не красивой. Въ надеждѣ на будущія блага, Лизавета Ивановна начала жить роскошно и мотать. Празднествамъ и баламъ не было конца. Ни предъ чѣмъ не останавливалась Лизавета Ивановна, хотя въ наличности ни у нея, ни у мужа, денегъ не было. Возможность выиграть дѣло для Лизаветы Ивановны, была всѣмъ извѣстна, и всѣ вѣрили ей въ долгъ кто деньгами, кто товаромъ, записывая все на счетъ въ три-дорога. Долги Перскихъ росли, между тѣмъ, какъ у нихъ прибывала семья. Кромѣ трехъ сиротъ, оставленныхъ Ѳешенькой, да двухъ дочерей Лизаветы Ивановны отъ перваго брака, семья Перскихъ увеличилась еще четырьмя сыновьями. Не трудно было предви-

дѣть въ будущемъ, что собранные въ одну семью разнородные члены ея, не предвѣщали союза и согласія семейнаго. Вмѣстѣ съ приращеніемъ семьи, домъ наполнялся мамушками, нянками и гувернантками.

Мери, старшая дочь Лизаветы Ивановны, была любимицею матери. Меньшая Китти, отдана была, четырехъ лѣтъ, сестрѣ Лизаветы Ивановны, неимѣвшей никогда своихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ Лизавета Ивановна отказалась отъ всѣхъ правъ на Китти, за что Катерина Ивановна Кремова обязывалась не только воспитать племянницу, но и оставить ей по смерти все свое благопріобрѣтенное имѣніе, выдѣливъ ей половину при замужствѣ. Тетка Китти въ точности исполнила взятую на себя обязанность относительно своей питомицы Китти оказалась достойною попеченій тетки, и была въ послѣдствіи счастливо выдана замужъ. Природа одарила Китти миловидностью, въ чемъ рѣшительно отказала сестрѣ ея Мери. Природа какъ будто подшутила надъ ослѣпленіемъ матери и одѣла Мери въ самую безобразную оболочку. Когда Лизавета Ивановна сдѣлалась женою Перскаго, Мери была ровестница старшей его дочери, Вѣрочкѣ. Ей было одиннадцать лѣтъ. Маленькіе сѣрые глаза безъ рѣсницъ, красныя вѣки, какъ будто всегда опухшія, огромный носъ, величины и толщины не гармонирующей съ остальными чертами лица; зубы, почернѣвшіе и искрошившіеся отъ безпрестаннаго употребленія лакомствъ, безобразно выставлялись изъ-за толстыхъ губъ, постоянно растрескавшихся и синихъ; лоснящійся лобъ непомѣрнаго объема, занимавшій большую половину лица, а самое лицо желтозеленаго болѣзненнаго цвѣта—вотъ портретъ Мери.

Болѣе полудюжины гувернантокъ окружали Мери, и всѣ онѣ смотрѣли ей подобострастно въ глаза, не смѣя и подумать прекословить въ чемъ нибудь малѣйшей ея прихоти.

Когда случалось Мери входить въ гостиную, то за нею тянулся цѣлый рядъ самыхъ разнохарактерныхъ лицъ.

На первомъ планѣ, по стопамъ Мери, шла мѣрнымъ шагомъ англичанка, съ накрахмаленнымъ чепцомъ и еще болѣе накрахмаленною фрезою на длинной худой шеѣ. За англичанкой шли француженка, нѣмка, шведка; шествіе заключалось русскою дѣвицею съ ниткой и иголкой, которыхъ она не покидала ни на минуту. Обязанность ея состояла лишь въ томъ, чтобъ на-скоро зачинить порванное платьице, кружевце, или пришить крючекъ или петельку, чтобъ не обезпокоить безцѣннаго ребенка передѣ-

ваньемъ не въ положенный часъ. Къ этой же ватагѣ разныхъ лицъ, разныхъ странъ и націй, присоединялись двѣ, три дѣвочки, однихъ лѣтъ съ Мери, дѣти дворовыхъ людей Лизаветы Ивановны, обязанныхъ играть съ Мери въ жмурки, прятки, чумички, и т. п. Когда же Мери приходила фантазія играть въ «весь туалетъ» или въ коршуна, или въ «гуси-лебеди домой», или въ «воронъ, воронъ, что ты дѣлаешь», то всѣ гувернантки, не исключая и чопорной мистрисъ Бетси Плокъ, обязаны были участвовать въ играхъ, до которыхъ Мери была страшная охотница.

Домъ Лизаветы Ивановны—мы часто будемъ говорить такимъ образомъ, забывая о главѣ семейства, потому что Константинъ Петровичъ Перскій до того спрятался на самый задній планъ домашняго управленія, что о немъ забывали не только домашніе, но и сама жена его;—и такъ, домъ Лизаветы Ивановны населенъ былъ въ такой же степени и соразмѣрности и мужскимъ поколѣніемъ, какъ и женскимъ. У малолѣтныхъ сыновей ея, кромѣ нянекъ, было по дядькѣ у каждаго и общій гувернеръ на всѣхъ, хотя еще ни одинъ изъ сыновей не принимался за азбуку. Мать не имѣла и четвертой доли той нѣжности къ сыновьямъ, какую питала къ любимицѣ своей Мери, но окружала ихъ многочисленною прислугой. Лизавета Ивановна, между прочими качествами, обладала тщеславіемъ въ высшемъ его проявленіи.

У каждой двери каждой комнаты стояло постоянно по два казачка, одѣтыхъ въ богатые казакины: обязанность ихъ состояла въ передачѣ словесныхъ приказаній барыни къ самымъ отдаленнымъ покоямъ дома, гдѣ находилась остальная прислуга: горничныя и лакеи. Ихъ можно было бы замѣнить звонкомъ, но это распоряженіе, во-первыхъ, уменьшило бы число прислуги, во-вторыхъ, вмѣсто Малашки, явилась бы Таня или Мариша, а вмѣсто Сидора Андрюшка, что повлекло бы за собою безпорядокъ и новыя распоряженія. Этого тоже хотѣла избѣжать Лизавета Ивановна.

Попугаи, канарейки, бѣлки, американскія кошки, собаки и обезьяны самыхъ дорогихъ породъ наполняли комнаты Перской, и дѣлали изъ нихъ, что-то въ родѣ звѣринца. За каждою клѣткой, за каждымъ звѣрькомъ былъ особенный присмотрщикъ. Все это кричало, пищало, свистало, щелкало, лаяло, мяукало, пѣло и утѣшало Лизавету Ивановну, которая, какъ восточная одалыка, валялась на диванахъ, забывъ объ употребленіи ногъ своихъ, однако данныхъ ей заботливою природою.

Такъ шли годы. Лизавета Ивановна дѣлала все, что вспадало

ей на умъ, не встрѣчая ни съ какой стороны препятствій или противорѣчій.

Перскій, занятый службой, рѣдко бывалъ дома, кромѣ обѣденныхъ часовъ. Даже вечера свои онъ проводилъ внѣ дома, по разнымъ служебнымъ отношеніямъ.

Мери дѣлала, что хотѣла съ служанками, гувернантками и даже подъ часъ и съ маменькою, которая отъ этого помирала со смѣху. Оно точно было занимательно. Мери было четырнадцать лѣтъ, но она носила еще коротенькое платьице съ кружевными панталончиками, волосы ея всегда завиты въ локоны, и она считалась совершеннымъ ребенкомъ, чему не мало способствовалъ щедушный ея видъ.

Пока двѣ старшія дочери Константина Петровича Перскаго, Вѣрочка и Любенька № 1-й воспитывались въ заведеніи, Любаша № 2-й, третья дочь Перскаго, или «Комета», какъ ее называли въ семьѣ, привезена была отъ бабушки въ домъ родительскій, съ тѣмъ, чтобъ и ее помѣстить въ ученье. Мери бросилась на новую добычу съ жадностью. Много Комета вытерпѣла мукъ отъ капризовъ и своевольства своей сестрицы, не мало вынесла и щипковъ ея, и синихъ пятенъ на рукахъ, но, къ счастію для Кометы, мученія ея продолжались менѣе года. Комету изгнали изъ гостиной Лизаветы Ивановны. Она была свѣженькая, розовая дѣвочка, типъ толстенькихъ Рубенсовыхъ дѣтскихъ головокъ, и составляла слишкомъ рѣзкую противоположность, невыгодную обстановку для чахлой, зелено-желтой Мери, и потому данъ былъ приказъ не выпускать Комету изъ дѣтской, особенно при гостяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣтей сажать за общій столъ не принято и не годится. Кометѣ однако было уже девять лѣтъ; она хорошо справлялась съ вилкою и ножемъ, и не требовала около себя няньки... Ну, да воля Лизаветы Ивановны была непреложна, а Константинъ Петровичъ такъ дорожилъ семейнымъ спокойствіемъ, а особенно боялся малѣйшимъ противорѣчіемъ повергнуть Лизавету Ивановну въ спазмы, истерическіе и нервическіе припадки, что въ домѣ все покорствовало волѣ жены, не справляясь даже о согласіи мужа. Перскій какъ будто и самъ забылъ о своей Кометѣ, пока не настала пора отдать ее въ пансіонъ. Едва отецъ пристроилъ третью дочь свою, какъ новая туча заволокла семейный горизонтъ дома Перскихъ. Приближалось время выхода изъ заведенія Вѣрочки.

Если дѣтская свѣжесть Любаши не нравилась Лизаветѣ Ивановнѣ, какъ же станетъ сносить она свѣжесть шестнадцатилѣт-

ней дѣвицы? Перскій видѣлъ возникающую борьбу, не предвидѣлъ въ ней ничего утѣшительнаго, но будучи безсильнымъ отвести грозу, поникнулъ предъ нею головою, и предоставилъ обстоятельства ихъ естественному теченію.

IX.

182... года домъ Перскихъ сіялъ отъ зажженныхъ снаружи плошекъ, а внутри восковыхъ свѣчей въ канделабрахъ, люстрахъ, стѣнныхъ бра. Звукъ музыки разносился далеко по окрестнымъ улицамъ. Лизавета Ивановна, жадная ко всѣмъ предлогамъ дать пиръ, какъ говорится на славу, ухватилась со всѣмъ рвеніемъ, къ какому была способна, за предлогъ выхода падчерицы Вѣрочки изъ заведенія, чтобъ созвать столько гостей, сколько могли вмѣстить обширные покои ея дома.

Не участіе къ Вѣрочкѣ и не радость принять ее послѣ шестилѣтней разлуки заставили Лизавету Ивановну пуститься на новыя издержки, неизбѣжно слѣдуемыя за такимъ событіемъ, а тщеславіе и страсть сорить деньгами, при всякомъ удобномъ случаѣ. Почему же, при такой удобной «оказіи», не отнести этого къ желанію выказать попеченіе о падчерицѣ, которую она изъ тѣхъ же причинъ, посѣщала въ заведеніи непремѣнно разъ въ годъ, что казалось Лизаветѣ Ивановнѣ непреложнымъ и вѣрнымъ признакомъ ея заботливости.

Сдѣлавъ бѣлое кисейное платье Вѣрочкѣ, для перваго выхода ея въ свѣтъ, Лизавета Ивановна присоединила къ нему все нужное для укомплектованія наряда: перчатки, башмаки, поясъ изъ лентъ, узорчатые чулки, все было взято изъ Англійскаго магазина, другихъ лавокъ она не знала, да и знать не хотѣла. Все, что было на виду—было дорогое и цѣнное. Бѣлье же Вѣрочки не соотвѣтствовало наружному богатству костюма и всѣхъ его принадлежностей. Оно было сдѣлано изъ домашняго полотна, произведенія села Ванина. Ну, да кто же видитъ бѣлье?

Утромъ, для выхода Вѣрочки, платье, бѣлье и всѣ аксесуары были посланы ей съ горничной, которая и обязана была одѣть ее, а вечеромъ Лизавета Ивановна, съ помощью шестнадцати лошадиныхъ ногъ свершила поѣздъ въ заведеніе, въ которомъ воспитывалась Вѣрочка, чтобъ увезти падчерицу тѣмъ же порядкомъ домой. Много и горько плакала Вѣрочка, разставаясь съ подругами.

На порогѣ житейскомъ встрѣчала ее не родная мать, а жен-

щина, которую она видала пять, шесть разъ во все время своего пребыванія въ заведеніи. Отецъ ея остался дома для пріема гостей, созванныхъ на балъ, по случаю возвращенія дочери въ родительскій домъ. Печально сѣла Вѣрочка въ карету съ мачихой.

— Что ты плачешь, дурочка! сказала ей Лизавета Ивановна: у тебя глаза раскраснѣются, перестань.

Въ голосѣ Лизаветы Ивановны было что-то жестокое для слуха Вѣрочки. Она жаждала ласкъ, которыми были осыпаны ея подруги и которыя она подсмотрѣла у матерей ихъ, когда онѣ утѣшали дочерей при разставаніи ихъ съ дѣвицами и наставницами.

Но взглядъ Лизаветы Ивановны былъ холоденъ, почти что золъ. Она разсматривала Вѣрочку непріязненно. Она сравнивала мысленно миловидность лица Вѣрочки съ лицомъ своей Мери и, не смотря на все свое пристрастіе къ послѣдней, не могла не сознаться, что Вѣрочка станетъ непроницаемою стѣною между выгоднымъ свѣтомъ, могущимъ какъ нибудь упасть на наружность Мери. Злость и зависть зашевелились въ сердцѣ матери. Вѣрочка продолжала плакать. Лизавета Ивановна не удерживала ее болѣе, ей стало отрадно думать, что раскраснѣвшіеся, заплаканные глаза поубавятъ успѣха падчерицы, и мачиха молчала во всю дорогу до самаго дома. Карета остановилась. Дверцы хлопнули, подножка развила свои ступеньки до самаго крыльца; хозяйку дома подхватили два дюжіе лакея подъ руки и повели по лѣстницѣ. Вѣрочка смиренно шла, какъ раба за колесницей побѣдителя. Музыка грянула. Вѣрочка, не приготовленная къ такой встрѣчѣ, ахнула и покачнулась отъ испуга и нечаянности. Она бы упала, еслибъ нѣсколько офицеровъ, выбѣжавшихъ навстрѣчу дочери своего начальника, не поддержали ее и не внесли, болѣе чѣмъ ввели, въ бальную залу.

Вѣрочка, едва оправившись отъ мгновеннаго обморока, снова закрыла глаза отъ ослѣпительнаго освѣщенія залы, и открыла ихъ уже на груди отца, прижавшаго къ сердцу трепещущую дочь. Потокъ слезъ облегчилъ виновницу торжества. Вѣрочка мало по малу оправилась, чувствуя свою руку въ рукахъ отца. Мери также подошла къ сестрѣ. Она была въ роскошномъ розовомъ газовомъ платьѣ, съ бѣлыми цвѣтами на головѣ, которые еще разительнѣе выказывали желтизну ея лица. Не смотря на то, Вѣрочка въ своемъ бѣломъ кисейномъ платьицѣ, съ локонами по плечамъ, съ развѣвающимися розовыми концами кушака, стянувшаго прелестный ея станъ, была плѣнительна самой своею простотой. Всѣ тан-

цующіе кавалеры, съ эполетами и во фракахъ, наперерывъ ангажировали молодую дѣвушку. Оказалось, что Вѣрочка танцовала искусно и граціозно, хотя очень скромно. Константинъ Петровичъ втайнѣ радовался пріятному впечатлѣнію, произведенному на общество Вѣрочкою; но что сказать о Лизаветѣ Ивановнѣ? То, что происходило въ душѣ ея, описать трудно. Судьба Вѣрочки въ домѣ мачихи рѣшилась въ первый же вечеръ. Не даромъ бѣдняжка, какъ бы предчувствуя все, что должно случиться съ нею въ жизни, переступила съ такимъ трудомъ, и съ такими явными признаками смятенія порогъ дома родительскаго: онъ олицетворялъ для нея порогъ житейскій. Тщетно закрывала Вѣрочка глаза при видѣ ослѣпительнаго свѣта, рано или поздно ей должно было прозрѣть. Съ перваго же мгновенія, Вѣрочка осуждена была переносить всѣ истязанія и пытки завистливой мачихи и капризной сестрицы. Нѣсколько разъ Вѣрочка, выведенная изъ терпѣнія, не смотря на свою кротость и безотвѣтность, пыталась передать отцу обо всемъ, но Константинъ Петровичъ не допустилъ дочь ни до какихъ откровенностей, и при первыхъ словахъ ея остановилъ ее: Разъ навсегда говорю тебѣ, другъ мой, Вѣрочка, что я люблю и уважаю Лизавету Ивановну, ты должна слѣдовать примѣру отца, отъ этого будетъ хорошо тебѣ и всѣмъ, а главное, и это ты помни больше всего, а главное отъ этого будетъ хорошо твоему отцу.

Строгость тона, съ которымъ Константинъ Петровичъ высказалъ свое нравоученіе, замкнулъ Вѣрочкѣ уста, и все пошло прежнимъ порядкомъ.

Разсказать всѣ, хотя и мелочныя, но ежедневныя огорченія, почти невозможно. Всякому стороннему онѣ покажутся бездѣлицами, не стоящими того, чтобъ на нихъ останавливать вниманіе, потому что причины чужаго горя всегда намъ кажутся ничтожными и маловажными. Я прошу вспомнить, что Вѣрочка, не смотря на свои шестнадцать лѣтъ, все еще была сущимъ ребенкомъ и не могла не огорчаться разными уловками и ухищреніями Лизаветы Ивановны, чтобъ возвысить свою любимицу Мери на счетъ своей падчерицы.

Приведемъ два, три примѣра Вѣрочка занимала отдѣльную комнату на антресоляхъ, къ которой вела очень узкая и крутая лѣстница; ей позволено было заниматься, чѣмъ ей было угодно, только воспрещалось работать въ пяльцахъ. Долго не понимала Вѣрочка этого каприза мачихи, но должна была ему покориться.

Пяльцы Вѣрочки, съ натянутою канвою, корзинкою шерстей и узоромъ стояли въ гостиной у окна, на самомъ видномъ мѣстѣ. Когда Вѣрочкѣ приходила охота вышивать въ нихъ, она должна была спускаться изъ своей комнатки въ гостиную, и тамъ заниматься вышиваньемъ. Насталъ день, когда прихоть мачихи вдругъ объяснилась!

Разъ Вѣрочка, желая поработать въ пяльцахъ, входитъ въ гостиную и видитъ, что кругомъ ея пялецъ стоятъ въ созерцаніи красотъ ея рукодѣлья Лизавета Ивановна и молодой гвардейскій офицеръ, не рѣдко посѣщавшій домъ ихъ. Мери съ иголкою въ рукахъ суетилась около пялецъ.

— Это прелестно! восхитительно! говорилъ офицеръ, разсматривая не совсѣмъ доконченный букетъ, что за живость въ цвѣтахъ! вотъ такъ и хочется взять и понюхать.

Лизавета Ивановна и офицеръ, стоявшіе спинами ко входу, и Мери не замѣтили, какъ вошла Вѣрочка, которая съ сладостнымъ біеніемъ сердца слушала похвалы своей работѣ отъ офицера, бывшаго съ нѣкоторыхъ поръ предметомъ ея уединенныхъ мечтаній.

— Много времени вы употребили на это шитье, m-lle Мери? продолжалъ офицеръ.

— Не болѣе трехъ, четырехъ дней, сказала Лизавета Ивановна, и солгала вдвойнѣ. Вѣрочка уже три недѣли вышивала букетъ, который еще не былъ конченъ.

— А!.. bien le bon jour, Вѣра Константиновна, сказалъ вдругъ офицеръ, обернувшись къ Вѣрочкѣ, только что имъ замѣченной.

Вѣрочка не совсѣмъ ловко присѣла отъ смущенія.

Лизавета Ивановна злобно на нее взглянула, и во взорѣ этомъ Вѣрочка ясно прочитала тысячу предстоявшихъ ей терзаній, если она осмѣлится изобличить мачиху во лжи.

Мери покраснѣла сквозь свою зелено-желтую кожу и опустила глаза. Щеки ея очень напоминали поблѣднѣвшіе осенніе листы, съ красно-желтыми отливами.

— А вы тоже вышиваете, Вѣра Константиновна? спросилъ офицеръ. Вѣрочка не знала, что отвѣчать и смотрѣла на мачиху. Лизавета Ивановна кивнула незамѣтно головою, и Вѣрочка сказала едва слышное «да-съ.»

— Какъ же, какъ же! и она вышиваетъ, но только болѣе бисеромъ, прибавила Лизавета Ивановна. Она опять солгала, но только не вдвойнѣ, а вполовину Хотя Вѣрочка вышивала и би-

серомъ, но еще не успѣла выказать своего искусства съ тѣхъ поръ, какъ была въ домѣ мачихи.

Въ другой разъ случилось другое. Лизавета Ивановна, по своему обыкновенію, нѣжилась, лежа на диванѣ.

Обезьяна на цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ тяжелому круглому столу, возилась съ американскимъ орѣхомъ, вылизывая и выкусывая остатки бѣлаго ядра, прильнувшаго къ скорлупѣ.

Попугаи кричали на всѣ лады и голоса. Канарейки выдѣлывали трели, и собака съ тоненькимъ рыльцемъ каталась по пушистому ковру, желая объ него почесать себѣ спину, недоступную ни для зубовъ, ни для когтей ея.

Вѣрочка сидѣла у окна и вышивала. Лизавета Ивановна полудремала. Дверь тихо отворилась изъ внутреннихъ покоевъ и Константинъ Петровичъ подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ свѣсившуюся, полную ея руку, украшенную болѣе дюжины перстней и колецъ.

— За мною прислали, я долженъ сейчасъ же ѣхать, и потому пришелъ съ тобою проститься, сказалъ Перскій; ты не жди меня, Лизочка, къ обѣду, развѣ только къ вечеру явлюсь домой.

— Прощай, только не уѣзжай не оставивши мнѣ денегъ. Надо купить Вѣрочкѣ хоть на два платья, у нея гардеробъ поизносился.

Отецъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, вынулъ бѣленькую ассигнацію, означавшую въ то время сто рублей или около тридцати нынѣшнихъ, и положилъ ее на пяльцы.

Глаза Лизаветы Ивановны засверкали какъ у тигра, при видѣ добычи. Перскій снова подошелъ къ женѣ, и поцѣловалъ ее въ голову, погладилъ собаку, щипнулъ обезьяну и вышелъ изъ комнаты.

Едва шаги его замолкли, Лизавета Ивановна сказала тихо: Дуняшу!

Казачки перекликнулись словомъ «Дуняша», попугаи, привыкнувшіе чаще всего слышать его, тоже закричали: Ду-ня-ша! и имя это, повторенное десятью разными голосами, долетѣло и до слуха Дуняши, любимой горничной, повѣренной, ходатаи по дѣламъ, наперсницы Лизаветы Ивановны.

Дуняша вбѣжала въ комнату барыни.

— Дуняша, найми извощика и ступай въ Англійскій магазинъ. Скажи мусье Жану, знаешь тому, что умѣетъ говорить по-русски, чтобъ онъ привезъ разныхъ кисей, англійскихъ холсти-

нокъ, французскихъ ситцевъ изъ дешевыхъ, знаешь, такихъ, что я брала для всѣхъ васъ недавно. Однимъ словомъ, пусть привезетъ что нибудь расхожее, для дачи.

Не прошло и часу, гостиная Лизаветы Ивановны преобразовалась въ магазинъ. Со всѣхъ креселъ спускались до полу разноцвѣтныя кисеи, ситцы, холстинки; и обезьяна теребила какой-то выпавшій на полъ шелковый платочекъ, который господинъ Жанъ не забылъ внести въ счетъ покупокъ.

Мери была вызвана изъ-за уроковъ и, хватаясь за все, не рѣшалась въ своемъ выборѣ. Наконецъ взято было для Мери два кисейныя платья, голубаго и розоваго цвѣта, бѣлый газовый эшарпъ съ прелестными затканными букетами на концахъ, двѣ, три шемизетки, нѣсколько аршинъ кружевъ, и съ полдюжины разноцвѣтныхъ платочковъ.

Дунятѣ, тутъ же вертѣвшейся, отрѣзано было французскаго ситца, а Вѣрочкѣ на два платья розовой и голубой холстинки *изъ дешевыхъ*, въ панданъ къ розовой и голубой кисеѣ Мери.

Бѣлая ассигнація все еще лежала на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ положилъ ее Перскій. Вѣрочка до нея не дотронулась и продолжала вышивать, и только изъ подлобья и мелькомъ окидывала взоромъ и товары, и присутствующихъ въ комнатѣ.

Мусье Жанъ ловко повертывался во всѣ стороны, выхваляя свой товаръ и помогая выбору покупательницъ. Когда выборъ этотъ былъ наконецъ конченъ, Лизавета Ивановна сказала:

— Вѣрочка, подай мнѣ деньги.

Вѣрочка подошла къ мачихѣ, и въ обмѣнъ ассигнаціи получила два свертка холстинокъ.

— Вотъ и тебѣ обновка, сказала Лизавета Ивановна, и протянула руку къ самымъ губамъ Вѣрочки. Горя отъ стыда за поступокъ мачихи, бѣдняжка возвратилась къ своимъ пяльцамъ въ совершенномъ смущеніи, какъ будто сама свершила преступленіе. Но еще не то ожидало ее впереди.

Мери, забравъ всѣ свои вещи и не поблагодаривъ даже мать, выпорхнула изъ комнаты, а Дуняша бросилась цѣловать ручки барыни.

Мусье Жанъ свернулъ свои товары, остановился предъ Лизаветой Ивановной, думая получить вожделѣнную бѣлую ассигнацію, но Лизавета Ивановна разсчитала, что этого будутъ недостаточно на уплату всего набраннаго ею, взяла лежавшій передъ нею романъ, заложила ассигнацію между листами книги и сказала:

— Мусье Жанъ, потрудитесь записать эти покупки въ общій счетъ; къ первому числу будущаго мѣсяца мужъ мой заплатитъ вамъ сполна.

Мусье Жанъ, какъ благовоспитанный приказчикъ моднаго магазина, не возражалъ, низко и ловко раскланялся и вышелъ.

Лизавета Ивановна, по уходѣ его, стала перелистывать романъ, отыскала ассигнацію и заперла ее подъ ключъ въ шкатулку, всегда стоявшую въ углу дивана, на которомъ обыкновенно покоилась хозяйка.

Насталъ вечеръ. Перскій вернулся домой.

— Вѣрочки здѣсь нѣтъ, спросилъ Перскій, еще не входя въ комнату, гдѣ покоилась жена, у одного изъ казачковъ. И на отрицательный отвѣтъ велѣлъ позвать ее. Не успѣлъ Перскій поцѣловать руку у вѣчно дремавшей супруги своей, какъ и Вѣрочка тихо вошла въ комнату.

— Ахъ, это ты Костантинъ Петровичъ, сказала Лизавета Ивановна, потягиваясь лѣниво, и увидя входившую Вѣрочку, примолвила: поблагодари же отца за обновы.

Вѣрочка, молча, поцѣловала руку Перскаго.

— Ну, ужъ разщедрился, Константинъ Петровичъ, нечего сказать; многое ли можно купить на сто рублей въ Англійскомъ магазинѣ. Я хотѣла купить Вѣрочкѣ шарфикъ и платочковъ, да денегъ не хватило.

У Вѣрочки занялся духъ, она едва удержалась отъ слезъ, когда отецъ ея, не говоря ни слова, вынулъ бумажникъ, а изъ него бѣленькую ассигнацію, только другаго формата, какъ первая, продолговатую, а не четыреугольную, означавшую въ то время двадцать пять рублей, и положилъ ее на столъ передъ Лизаветой Ивановной, которая улыбнулась, подмигнувъ слегка Вѣрочкѣ.

Вѣрочкѣ такъ и хотѣлось сказать отцу: бѣдный папаша, какъ тебя обманываютъ!.. но вспомнивъ строгое приказаніе отца, она остановилась во-время и затаила свои ощущенія, хотя горесть и отчаяніе ясно выражались на миловидномъ ея личикѣ.

X.

Теперь поговоримъ, въ чемъ состояло дѣло Лизаветы Ивановны, выигрышъ котораго обѣщалъ Перскому благосостояніе для всей его семьи, и какія слѣдствія произошли отъ отлучекъ Перскаго изъ Петербурга по этому дѣлу.

Жила-была на бѣломъ свѣтѣ, а именно въ Симбирской губерніи, старушка, назовемъ ее, пожалуй, Настасьей Ѳоминишной Белтухиной. Она обладала огромнымъ состояніемъ. Настасья Ѳоминишна никогда не была замужемъ, не имѣла ни сестеръ, ни братьевъ, и некого ей было любить въ жизни послѣ потери родныхъ. Она подружилась въ молодости съ матерью Лизаветы Ивановны Перской и Катерины Ивановны Кремовой, и любила ее отъ полноты сердца. Когда мать Перской и Кремовой осталась вдовою, и сама, послѣ тяжкой болѣзни, сбиралась покинуть міръ и двухъ дочерей, сиротъ, Настасья Ѳоминишна дала ей, передъ кончиной, клятвенное обѣщаніе замѣнить сиротамъ мать и оставить имъ все свое имущество. Бѣдная больная умерла спокойно, благословляя своего друга и поручая ей дѣтей. Белтухина воспитала сиротъ и выдала ихъ замужъ. Но одна изъ нихъ оказалась недостойною ея попеченій. Лизавета Ивановна всегда была непочтительна къ своей благодѣтельницѣ, своими поступками довела ее до того, что она объявила единственною наслѣдницею всего своего имѣнія сестру Лизаветы Ивановны, Кремову, усыновившую Китти, дочь Перской. Было даже сдѣлано завѣщаніе въ этомъ смыслѣ, а Лизаветѣ Ивановнѣ была назначена старушкою извѣстная ежегодная выдача на прожитіе. Мужъ Кремовой, ловкій и хитрый проныра, успѣлъ захватить въ свои руки управленіе всѣмъ имѣніемъ Белтухиной, которая питала къ нему особенное довѣріе. Онъ и выдавалъ Перской положенную сумму; но не всегда аккуратно, пользуясь и старостью, и безпамятливостью Белтухиной, и смысломъ ея завѣщанія, сдѣланнаго еще при жизни старушки, въ которомъ выдача денегъ Перской выражена была довольно темно и неопредѣлительно.

Лизавета Ивановна жаловалась нѣсколько разъ Белтухиной на эту неакуратность. Но старушка, жившая въ Симбирской губерніи, или не получала писемъ Перской, которыя проходили чрезъ руки Кремова, или вѣрнѣе не хотѣла на нихъ отвѣчать, храня неудовольствіе на Лизавету Ивановну за ея непочтительность. Между тѣмъ Кремовъ, имѣя въ виду недопустить Лизавету Ивановну къ примиренію, и даже къ сближенію съ ея благодѣтельницею, работалъ усердно, чтобъ поддержать въ сердцѣ Белтухиной неудовольствіе на Перскую, что было ему не трудно сдѣлать.

Лизавета Ивановна, выходя замужъ за Перскаго, отыскивала въ мужѣ ходатая по дѣламъ своимъ, не рѣшаясь сама ни

за что въ свѣтѣ разстаться съ столичною жизнью. При одной мысли ѣхать въ Симбирскую губернію, Лизавету Ивановну обдавало холодомъ. Долго она уговаривала Перскаго ѣхать къ Белтухиной, и своею ловкостью заслужить ея милость.

Перскій наконецъ поѣхалъ и взялъ съ собою Вѣрочку. Старушкѣ онъ понравился, а Вѣрочку она полюбила страстно.

Кремовъ морщился отъ успѣховъ свояка и его дочери, но не отчаявался и не терялъ надежды выпроводить ихъ безъ большаго урона для своихъ выгодъ.

Однако, когда Белтухина, плѣненная Вѣрочкою и совершенно довольная почтительностью Перскаго, стала поговаривать о равномъ раздѣлѣ ея имущества между своими питомицами, Кремовъ струсилъ не на шутку. Старушка доказывала необходимость простить Лизаветѣ Ивановнѣ ея дурные поступки уже потому, что у Кремовыхъ не было дѣтей, кромѣ усыновленной ими Китти, тогда какъ у Перской было четверо малолѣтныхъ сыновей, да еще четверо дѣтей Перскаго, изъ которыхъ Вѣрочка была для старушки идеаломъ красоты и кротости, и которую она принялась любить со всею привязчивостью старости. Вѣрочка въ свою очередь, незнавшая, или вѣрнѣе сказать, не помнившая ласки матери, съ восторгомъ и благодарностью принимала ласки новой бабушки, посланной ей милосердіемъ неба. Кремовъ рѣшился на послѣднее средство.

Сильно сомнѣваясь, чтобъ Лизавета Ивановна когда нибудь явилась къ своей благодѣтельницѣ, Кремовъ сталъ внушать старушкѣ предложить Перскому, чтобъ онъ прислалъ къ ней жену съ покорностью и сознаніемъ своихъ дурныхъ поступковъ противъ друга своей матери и своей благодѣтельницы. Старушка тотчасъ согласилась съ мнѣніемъ Кремова, какъ для того, чтобъ сломить упрямство Лизаветы Ивановны, такъ и для того, чтобъ снова увидѣть Вѣрочку.

Пріѣздъ Вѣрочки съ мачихою былъ поставленъ первымъ условіемъ примиренія съ Белтухиной. Перскій далъ обѣщаніе, что вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ, Лизавета Ивановна пріѣдетъ въ Симбирскую губернію, а чтобъ еще болѣе угодить старушкѣ, онъ оставилъ ей Вѣрочку до пріѣзда ея мачихи. Белтухина была внѣ себя отъ радости и обѣщала Перскому, если Лизавета Ивановна покорится и пріѣдетъ къ ней, приготовить новый актъ, которымъ раздѣлитъ все свое мнѣніе по-равну между обѣими сестрами.

Перскому стоило не малаго труда уговорить жену на это путешествіе. Но какъ ни желала она отвертѣться отъ предстоящей поѣздки, однакожъ сообразила, что вся будущность ея и дѣтей зависѣла отъ ея рѣшимости, и она рѣшилась.

Взявъ съ собою Мери, съ которою разлучиться не заставили бы ее никакія выгоды въ мірѣ, Лизавета Ивановна въ покойномъ и великолѣпномъ четырехмѣстномъ дормезѣ, украшенномъ внутри зеркальными стеклами и бронзою, потонувъ въ собольихъ шубахъ, тронулась въ дорогу, въ сопровожденіи только одного учителя, француза Сантера, на котораго возложена была обязанность расплачиваться на станціяхъ и заботиться объ обѣдахъ и ужинахъ, завтракахъ и прочихъ дорожныхъ удобствахъ. Лакей, поваръ и Дуняша составляли остальной дорожный поѣздъ путешественницы. Дуняша была взята въ средину дормеза, на четвертое вакантное мѣсто, а двое слугъ мужескаго пола помѣстились снаружи.

Старушка Белтухина встрѣтила путешественницу холодно и церемонно. Лизавета Ивановна сколько могла, принуждала себя быть ласковою и угодливою, но капризная Мери не могла совладѣть съ своимъ строптивымъ, избалованнымъ нравомъ.

Старушка безъ церемоній журила ее безпрестанно, сравнивая съ милою своею Вѣрочкой, и всегда отдавала во всемъ преимущество послѣдней.

Желчь Лизаветы Ивановны взбалтывалась противъ Вѣрочки все болѣе и болѣе, но затаивъ временно свою злобу, Перская была съ нею ласкова и обходительна, особенно при Белтухиной

Видя нѣжность старухи къ Вѣрочкѣ, Лизавета Ивановна разсудила посредствомъ ея вѣрнѣе достигнуть не только совершеннаго примиренія съ Белтухиной, но еще привести въ исполненіе одинъ замыселъ, который она давно обдумывала. Вѣрочка, не покидавшая Настасью Ѳоминишну ни на минуту, и даже спавшая съ нею въ одной комнатѣ, поддерживала въ старушкѣ расположеніе къ отцу своему, говоря съ нею о немъ безпрестанно, и старушка наконецъ написала актъ, обѣщанный Перскому.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда вся семья собралась у чайнаго стола, старушка, обнявъ Вѣрочку и поцѣловавъ ее, вынула изъ кармана сложенную бумагу и сказала:

— Вотъ, моя душка, передай эту бумагу твоему отцу и скажи, что я исполнила свое обѣщаніе, но только потому, что я его очень полюбила. И старушка сдѣлала удареніе на мѣстоимѣніе «его», взглянувъ не совсѣмъ пріязненно на Перскую.

— Твой отецъ, продолжала старушка, очень любитъ свою жену, и я надѣюсь, что она отплатитъ ему за это любовью къ его дѣтямъ. Если же я узнаю, что тебѣ, мой дружокъ, не хорошо жить у твоей мачихи, я еще разъ измѣню актъ, и сдѣлаю тебя моею наслѣдницею вмѣсто ея, и надѣюсь, что ты будешь для твоихъ маленькихъ братьевъ и для Мери лучшею матерью, чѣмъ ихъ настоящая мать. Потомъ старушка обратилась къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— А тебя, Лиза, прошу помнить мои слова: мое обѣщаніе не говорится на вѣтеръ, а напротивъ, оно очень обдуманно.

Белтухина снова отвернуласъ отъ Перской и сказала Вѣрочкѣ:

— Спрячь эту бумагу въ свою дорожную шкатулку; актъ засвидѣтельствованъ, гдѣ было нужно, и имѣетъ всю законную силу, до новаго моего распоряженія; Лиза будетъ получать по день моей смерти сорокъ тысячъ рублей ежегодно, а передъ смертью все, что я имѣю, раздѣлю на двѣ равныя части.

Не смотря на явное пренебреженіе Белтухиной, которая говорила о вещахъ, касавшихся прямо Перской, не глядя на нее, а обращаясь къ дѣвушкѣ, которая не совсѣмъ даже понимала смыслъ ихъ, Лизавета Ивановна задыхалась отъ радости, и бросилась было цѣловать руку старушки, но та, отнявъ свои руки, прекратила порывъ притворной нѣжности Перской.

Успокоенная на счетъ успѣха своего дѣла, имѣя актъ въ рукахъ, Лизавета Ивановна вмѣсто чувствъ благодарности къ умилостивленной своей благодѣтельницѣ, затѣяла свершить поступокъ, вполнѣ обрисовывающій ея характеръ.

У Белтухиной хранились деньги въ одномъ изъ сундуковъ, ключъ отъ котораго она имѣла постоянно при себѣ, а на ночь клала подъ подушку. Сундукъ этотъ вынесенъ былъ изъ спальни старушки, чтобъ очистить мѣсто для кровати Вѣрочки, и поставленъ въ смежной комнатѣ подъ диванъ, на которомъ стлали на ночь постель для Лизаветы Ивановны. Перская провѣдала отъ горничной, что хранилось въ завѣтномъ сундукѣ, и мысль вскрыть его, мучила ее уже нѣсколько дней кряду. Лизавета Ивановна рѣшилась попросить Вѣрочку достать ей этотъ ключъ во время сна старушки. Вѣрочка не знала, что хранилось въ сундукѣ, но считая поступокъ, на который ее уговаривали, дурнымъ, долго отказывалась; Лизавета Ивановна настаивала, увѣряя, что въ сундукѣ хранится бумага, отъ прочтенія которой зависитъ счастіе всего семейства Константина Петровича, и которая, про-

нырствомъ Кремова можетъ уничтожить силу акта, даннаго Настасьей Ѳоминишной.

Вѣрочка ничего не понимала въ дѣлахъ; ей было напрасно допытываться объясненія въ чемъ заключалась эта бумага и для чего нужно было ее прочитать. Только одно поняла она изъ словъ мачихи, что отцу ея будетъ не хорошо, если Кремову удастся воспользоваться этою бумагой. Вѣрочка понимала еще, что Кремову не нравилось новое распоряженіе Белтухиной на счетъ доходовъ ея при жизни и раздѣла послѣ ея кончины. Вѣрочка не разъ наблюдала за Кремовымъ, во время своего пребыванія въ домѣ Белтухиной и считала его корыстнымъ и злобнымъ человѣкомъ, и потому питала къ нему антипатію. Она не разъ подслушивала разговоры его съ Настасьей Ѳоминишной, и негодовала на него за то, что онъ старался еще болѣе озлобить сердце старушки противъ Лизаветы Ивановны. Пользы мачихи тѣсно были связаны съ пользами ея отца и всего семейства. Вѣрочка, не смотря на свое отвращеніе, наконецъ, по усильнымъ настояніямъ и угрозамъ мачихи, согласилась исполнить ея желаніе.

Оставалось два дня до обратнаго отправленія Лизаветы Ивановны въ Петербургъ; она болѣе и болѣе торопила Вѣрочку.

Вѣрочка откладывала свое намѣреніе, не находя душевныхъ силъ для его выполненія. Ей было стыдно глядѣть въ глаза старушкѣ, столько къ ней довѣрчивой, принимать ея ласки, всегда такія нѣжныя и трогательныя, но страхъ не угодить мачихѣ, которая могла въ послѣдствіи измучить ее новыми терзаніями, помогъ не мало рѣшимости Вѣрочки.

Послѣдняя ночь, проведенная подъ кровомъ старушки, была назначена на исполненіе желанія мачихи, отъ котораго тоскливо ныло сердце Вѣрочки и прыгало отъ радости сердце Перской.

Долго старушка, лежа въ постелѣ, передъ сномъ, разговаривала съ своей любимицей. Она давала ей наставленія и совѣты какъ поступать въ жизни, и не разъ принималась плакать при мысли о разлукѣ съ нею. Вѣрочка тоже задыхалась отъ слезъ при мысли о разлукѣ съ доброю старушкой, но при мысли о томъ, что сбиралась сдѣлать по требованію мачихи, вопреки своей совѣсти.

Наконецъ старушка умолкла, дыханіе ея становилось слышнѣе и ровнѣе, ощущенія Вѣрочки томительнѣе и мучительнѣе.

Между ею и мачихою положено было, что Вѣрочка, взявъ ключъ изъ-подъ подушки Белтухиной, передастъ его въ смежную комнату, отворивъ чуть-чуть запертую дверь. Лизавета Ивановна,

спавшая съ Мери въ этой комнатѣ, получивъ ключъ, сыщетъ нужную бумагу, прочтетъ ее, запретъ снова сундукъ и опять передастъ ключъ Вѣрочкѣ.

Часы уже давно пробили полночь. Вѣрочка, едва дыша, осторожно спустила ноги съ кровати. Свѣтъ отъ огня въ смежной комнатѣ, проходилъ подъ дверью и направлялъ шаги Вѣрочки. Притаивъ дыханіе и не надѣвъ туфлей, чтобъ тѣмъ не разбудить старушку, Вѣрочка стала приближаться къ ея изголовью. Сердце бѣдной дѣвушки сильно билось. Вдругъ показалось ей, что старушка поворотилась на постелѣ, въ ту самую минуту, какъ Вѣрочка уже протягивала руку къ подушкѣ. Вѣрочку обхватило какъ будто морозомъ. Но нѣтъ, это ей такъ почудилось. Дыханіе старушки не прерывалось. Вѣрочка тихо, осторожно засунула руку подъ подушку и вынула ключъ. Она едва держалась на ногахъ. Въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ, не смотря на окружавшую темноту, перебѣгали искры краснаго цвѣта. Вѣрочка благополучно дошла до двери, она была уже пріотворена заботливой Лизаветой Ивановной, ровно на столько, чтобъ можно было просунуть руку съ ключемъ, и рука Вѣрочки, едва приблизясь къ отверзтію, мгновенно встрѣтила руку мачихи, судорожно выхватившую у нея ключъ.

Все это совершилось безмолвно и безъ малѣйшаго шуму.

Отъ волненія Вѣрочка едва могла дойти до своей кровати, и не успѣвъ еще лечь на нее, зарыдала.

— Ты все еще плачешь, Вѣрушка, сказала старушка, услышавъ сквозь сонъ рыданія молодой дѣвушки. Полно, дружокъ ты мой, слезами горю не пособить, хоть я и стара, но надѣюсь еще увидѣть тебя у себя. Полно же, не плачь! Господь съ тобою, дитя мое!

И старушка, вздохнувъ тяжело, снова заснула, утомленная собственными сѣтованіями о разлукѣ съ своей любимицей.

Часы тянулись для Вѣрочки, какъ мучительная пытка.

Пробилъ часъ по-полуночи, два—три. Никакая тѣнь не показывалась въ полосѣ свѣта чуть-чуть открытой двери въ комнату мачихи. Вѣрочка приподняла голову съ подушки, чтобъ лучше прислушаться, что дѣлалось за дверью, и вдругъ она ясно разслышала металлическій звукъ какъ бы пересыпаемыхъ денегъ. Вѣрочка чуть не вскрикнула отъ ужаса. Передъ нею встала истина во всей наготѣ своей. Не боясь послѣдствій, Вѣрочка безъ всякихъ предосторожностей, быстро встала съ постели, твердою поступью пошла къ двери, съ намѣреніемъ остановить грабитель-

ницу, но въ ту самую минуту, какъ дѣвушка бралась за дверь, чтобъ отворить ее, изъ-за нея протянулась рука, держащая ключъ, который, коснувшись обнаженной груди Вѣрочки, произвелъ на нее, не смотря на холодъ металла, чувство раскаленнаго желѣза. Вѣрочка безсознательно взяла ключъ, дверь тихо, но быстро и плотно притворилась, быстрые шаги удалились въ углубленіе комнаты и стихли, вѣроятно, въ дальнѣйшихъ покояхъ, потому что и свѣтъ постепенно исчезъ внизу въ щели у двери.

Что было дѣлать Вѣрочкѣ? Пойти ли огласить поступокъ мачихи челядинцамъ, или разбудить старушку? Но Вѣрочка уже свершила недостойный поступокъ, вопреки довѣрія и любви къ ней старушки. Будетъ ли въ силахъ позднее ея раскаяніе загладить первоначальную рѣшимость. Вѣрочка усомнилась въ этомъ и съ отчаяніемъ въ душѣ едва добрела до своей постели.

Описать всѣ мученія Вѣрочки въ остальную часть ночи, невозможно!

Только съ приближеніемъ разсвѣта Вѣрочка рѣшилась положить ключъ на прежнее мѣсто. Между тѣмъ, какъ эта вынужденная, если не невольная участница въ преступленіи искупала его въ слезахъ и терзаніяхъ, совсѣмъ не то происходило въ комнатѣ Перской. Не разъ и она прислушивалась къ тому, что дѣлалось за дверью, но не укоры совѣсти терзали ее, а страхъ неудачи въ задуманномъ поступкѣ. Съ какою-то дикою радостью она схватила давно ожидаемый ключъ, явившійся въ отверзтіе двери, отъ которой Лизавета Ивановна не отходила съ той самой минуты, какъ простившись съ старушкою, вышла изъ ея комнаты. Убѣдившись, что Мери спитъ, Лизавета Ивановна взяла свѣчу, поставила ее на полъ около себя, выдвинула сундукъ изъ-подъ дивана, и твердою рукою вложила ключъ въ замокъ. Ключъ повернулся, замокъ щелкнулъ, крыша сундука скрипнула и поднялась. Передъ глазами Перской представился симметрическій рядъ холстяныхъ мѣшечковъ, завязанныхъ шнурками. Всѣ они были наполнены полуимперіалами. Перская, чтобъ скрыть хоть временно свое похищеніе, отсыпала по значительной части отъ каждаго изъ мѣшечковъ, и снова разложила ихъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они находились, такъ, что при первой наглядной повѣркѣ, число мѣшечковъ оказалось бы вѣрно, хотя при внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи и можно было замѣтить, что мѣшечки значительно утратили свою первобытную полноту.

Окончивъ это преступное занятіе, Лизавета Ивановна поспѣшно закрыла крышу сундука и заперла его ключемъ.

Передавъ ключъ Вѣрѣ, Перская быстро притворила дверь, незаботясь о томъ, что произойдетъ за нею.

Затѣмъ она всыпала всѣ вынутыя деньги въ приготовленный мѣшокъ, положила его къ себѣ подъ подушку, взяла свѣчу и вышла въ слѣдующую комнату, чтобъ убѣдиться, не былъ ли кто нибудь свидѣтелемъ ея ночнаго занятія. Но всѣ спали въ домѣ. Лизавета Ивановна потушила свѣчу, легла, и, хотя радость мѣшала ей нѣсколько времени заснуть, однако вскорѣ она захрапѣла по своему обыкновенію.

Мы уже говорили, что на другой день послѣ этой ночи, столь полной для мачихи и падчерицы различныхъ ощущеній, положено было пуститься въ обратный путь, послѣ утренняго чая.

Передъ тѣмъ, какъ войти въ комнату своей благодѣтельницы, Лизавета Ивановна кликнула къ себѣ Вѣрочку.

— Теперь все кончено, сказала она ей, если ты кому нибудь проговоришься о томъ, что происходило нынѣшнею ночью, я всю вину сложу на тебя, мнѣ повѣрятъ, потому что ты одна могла достать ключъ изъ-подъ подушки.

Бѣдная дѣвушка готова была благодарить Бога, что не послѣдовала своему первому движенію и не огласила поступка мачихи. Чѣмъ было ей доказать ея ложъ и свою невинность?

Вѣрочка не могла не зарыдать, когда Белтухина стала цѣловать ее на прощанье и благословлять со всею нѣжностью матери.

Наконецъ минута выѣзда настала. Старушка только и занималась Вѣрочкой, и очень холодно принимала ласки Лизаветы Ивановны и Мери. Только передъ самымъ уже выходомъ Перской, на крыльцѣ, Белтухина сказала ей:

— Лиза, помни мои слова: если ты чѣмъ нибудь будешь обижать Вѣрочку, я все отниму у тебя и все передамъ ей.

Все было готово. Дормезъ стоялъ у крыльца. Лизавета Ивановна помѣстилась на первомъ мѣстѣ и помѣстила между собою и Мери, тихо но горько плачущую Вѣрочку. Экипажъ тронулся; колокольчикъ зазвенѣлъ; лошади помчались. Лизавета Ивановна дико захохотала, непонятнымъ для всѣхъ присутствующихъ, кромѣ только одной Вѣрочки, смѣхомъ. Грудь Вѣрочки тоже облегчилась. Ей становились уже невыносимы ласки и нѣжность старушки. Вѣрочку терзало сознаніе, что она отплатила за нихъ коварнымъ

поступкомъ; она радостно вздохнула, когда увидѣла наконецъ шпицъ крѣпости, парящій надъ градомъ Петра.

XI.

Мученія Вѣрочки пошли своимъ чередомъ. Лизавета Ивановна, тяготясь видомъ Вѣрочки, знавшей о ея преступленіи, стала сама пріискивать жениха падчерицѣ. Одинъ уланскій полковникъ обратилъ вниманіе на Вѣрочку; онъ былъ не старъ и красивъ наружностью, и по всему могъ быть приличною партіей для Вѣрочки, но мачиха прочила его въ женихи Мери, и еще съ большимъ рвеніемъ принялась отыскивать, кому бы сбыть поскорѣе съ рукъ ненавистную ей падчерицу. Извѣстно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Жилъ въ это время въ Петербургѣ старикъ Яковъ Петровичъ Тремовъ. Ему былъ шестой десятокъ. Клюквеннаго цвѣта лицо его было все въ бородавкахъ, цвѣта рыжиковъ. Подъ цвѣтъ бородавокъ носилъ онъ рыжій парикъ, столько же густой, какъ гладка была прикрытая имъ голова. Одна изъ бородавокъ, самая крупная изъ группы, помѣстилась на самомъ носу, и надо сказать, возсѣдала на достойномъ себѣ пьедесталѣ. Носъ былъ величины съ добрую свеклу. За то и бородавка не захотѣла быть недостойною своего подножія: она росла и красовалась не по днямъ, а по часамъ, разсыпавши окрестъ себя многочисленное потомство, росшее подъ прикрытіемъ кустовъ рыжихъ волосъ довольно благоразумной длины, не скрывавшей отъ взоровъ блеска этого богатаго разсадника. Самъ Тремовъ устроенъ былъ на двухъ коротенькихъ ножкахъ, но за то съ рѣзко выдавшеюся брюшною полостью.

Тремовъ былъ извѣстенъ разгульной своей жизнью. Богатый дядя, котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ, грозилъ лишить его всего, если онъ не перемѣнитъ образа жизни, и Тремовъ вздумалъ доказать ему эту перемѣну, женившись на скромной, честной дѣвушкѣ изъ хорошаго дворянскаго дома.

Лизавета Ивановна знала всѣ эти обстоятельства и сама предложила Тремову свою падчерицу, увѣривъ его, что Вѣрочка, хотя и достаточно образована, чтобъ играть роль жены человѣка съ вѣсомъ, но столько же отъ природы глупа и простодушна, что никогда не станетъ вмѣшиваться въ дѣла мужа.

Тремову очень понравилось предложеніе Лизаветы Ивановны, и онъ во всемъ положился на нее, тѣмъ болѣе, что только искус-

ство Лизаветы Ивановны могло побѣдить нѣкоторое удаленіе, которое замѣчалъ онъ къ себѣ въ Вѣрочкѣ, и приписывалъ болѣе робости, чѣмъ антипатіи, возбуждаемой однимъ уже наружнымъ его видомъ. Тремовъ имѣлъ претензію на молодость и красоту.

Тогда-то начала Лизавета Ивановна плести свою сѣть, какъ паукъ около мухи. Она употребляла въ отношеніи къ Вѣрочкѣ всѣ роды убѣжденій: просьбы, ласку, угрозы и всѣ виды терзаній и угнетеній.

Вѣрочка переносила все съ стоическою рѣшимостью и постоянно отказывалась отъ предлагаемаго брака. Она не питала сердечной склонности къ уланскому полковнику, обратившему на нее вниманіе, но замѣчая, что произвела на него выгодное впечатлѣніе, ждала и надѣялась, что онъ скоро выскажетъ свои чувства и посватавшись на ней, избавитъ ее отъ ненавистнаго индѣйскаго пѣтуха, какъ она называла Тремова.

Надежда эта придавала ей силы противиться мачихѣ, но и мачиха съ своей стороны легко догадалась, въ чемъ состояли силы Вѣрочки, и что поддерживало ее въ неравной борьбѣ съ нею. Она очень обрадовалась, узнавъ, что полковникъ, по дѣламъ службы, откомандированъ въ одну изъ дальнихъ губерній. Разлука съ Вѣрочкой раскрыла ему яснѣе состояніе его сердца. Только по выѣздѣ своемъ изъ Петербурга полковникъ рѣшился написать къ Лизаветѣ Ивановнѣ письмо, и въ немъ проситъ руки Вѣрочки, объясняя свою любовь къ ней.

Лизавета Ивановна искусно сдѣлала изъ имени Вѣры имя Мери, и дала прочитать письмо падчерицѣ; оно было тѣмъ легче, что и отчество Мери было такое же, какъ Вѣрочки, и что сторонніе люди всегда называли ее не Марьей Константиновной, какъ бы требовала правильность, но Мери Константиновна, какъ того желала Лизавета Ивановна, вдававшаяся нѣсколько въ англоманію. Англоманію эту можно было объяснить только тѣмъ, что мистрисъ Бетси, гувернантка Мери, возбуждала въ душѣ Лизаветы Ивановны болѣе почтенія, чѣмъ француженка и всѣ прочія гувернантки, а мистрисъ за каждымъ словомъ говорила «мисъ Мери», и такъ сказать освоила это прозваніе съ ухомъ и привычкою матери.

И такъ, подмѣнивъ имя Вѣры именемъ Мери, Лизавета Ивановна торжествовала, когда замѣтила удивленіе падчерицы при чтеніи письма. Вѣрочка не могла не удивиться, что такъ грубо обманулась въ чувствахъ полковника, и съ этого дня стала съ

меньшимъ недоброжелательствомъ слушать о предложеніи Тремова. Оскорбленное самолюбіе заставляло, хоть разъ въ жизни, каждаго изъ насъ дѣлать и не такіе промахи.

Бѣдной дѣвушкѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Весь домъ наполненъ былъ угодниками и льстецами мачихи; отецъ уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ Симбирскѣ у Белтухиной, по дѣламъ ея имѣнія.

Не проходило дня, чтобъ мачиха не возобновляла разговора о замужствѣ, раскрывая передъ неопытными глазами Вѣрочки все счастіе быть женою богача и важнаго человѣка, и всѣ удобства жить независимо, полною хозяйкою во всемъ домѣ. Независимость отъ мачихи болѣе всего смущала душу Вѣрочки. Разъ утромъ, Вѣрочка не мало удивлена была, увидя, едва отрывъ глаза, сидящую на краю ея постели Лизавету Ивановну, никогда не заглядывавшую въ ея скромную комнатку.

— Не безпокойся, не безпокойся, сказала мачиха благосклонно: я пришла спросить тебя рѣшительно, хочешь ты или нѣтъ выдти за Якова Петровича? Дѣло это надо сегодня же покончить.

Вѣрочка молчала. Сердце ея сжалось; она вдругъ поняла, что необыкновенное явленіе Лизаветы Ивановны у нея на атресоляхъ скрывало какой нибудь рѣшительный замыселъ.

— Ты молчишь, Вѣра, продолжала Лизавета Ивановна строгимъ голосомъ и сведя свои густыя брови, такъ слушай же меня въ послѣдній разъ: или ты дашь наконецъ Тремову согласіе, и тогда будешь сама себѣ госпожей, носить богатыя платья, жить въ роскошномъ домѣ, ѣздить въ щегольскихъ экипажахъ,—или ты откажешь Якову Петровичу, и я съ завтрашняго же дня надѣваю на тебя тиковое платье, котораго ты не скинешь болѣе. Ты будешь по прежнему, чистить клѣтки попугаевъ и канареекъ, проваживать по двору бижутокъ и жужутокъ, я даже заставлю тебя мыть твое бѣлье это полезно для здоровья въ гигіеническомъ отношеніи, оно выбьетъ у тебя изъ головы всякую дурь и непослушаніе. Васъ три дѣвки у отца, состоянія никакого; я же не хочу кормить васъ своими доходами.

Лизавета Ивановна замолчала, какъ будто въ ожиданіи впечатлѣнія, какое должны были произвести слова ея. Вѣрочка молчала. Картина, представляемая предъ ея глазами, кромѣ тиковаго платья и мытья бѣлья, не имѣла для нее даже занимательности новизны; она уже привыкла ухаживать за птицами, собаками и обезьянами; на маленькое прибавленіе мачихи она тоже не обра-

тила вниманія, и только заключительная рѣчь Лизаветы Ивановны представилась впервые ея воображенію во всей ея наготѣ. Какъ! она и сестры ея ѣли и будутъ ѣсть не хлѣбъ отца, а хлѣбъ мачихи? Эта мысль вдругъ представившись уму Вѣрочки, такъ сжала ея сердце, что она послѣ краткаго молчанія вдругъ горько зарыдала.

Лизавета Ивановна поняла, что задѣла наконецъ чувствительную фибру въ сердцѣ падчерицы и продолжала на ту же тему:

— Я обѣщаю тебѣ, глупенькая, если ты выдешь за Тремова, отказаться отъ всѣхъ правъ на твоихъ сестеръ, предоставивъ ихъ тебѣ. Ты будешь навѣщать ихъ во все время ихъ ученья, а по выходѣ изъ училища, возьмешь ихъ къ себѣ въ домъ, онѣ будутъ жить и выѣзжать съ тобою.

Во время рѣчи Лизаветы Ивановны, Вѣрочка поднялась съ подушки на локоть и вслушивалась внимательно въ смыслъ ея словъ: избавить сестеръ отъ тѣхъ угнетеній, какимъ она подвергалась сама, замѣнить имъ мать... о, за этой отрадной перспективой скрылся ненавистный видъ Якова Петровича съ его бородавками на носу, съ его рыжимъ парикомъ и тучнымъ чревомъ, подпертымъ тоненькими лапками.

Вѣрочка спросила Лизавету Ивановну твердымъ голосомъ:

— А Яковъ Петровичъ дастъ ли мнѣ обѣщаніе взять сестеръ къ себѣ въ домъ?

— Конечно, я тебѣ дѣлаю это предложеніе отъ его имени; онъ поручилъ мнѣ передать тебѣ эти слова.

— Ну, такъ я объ этомъ подумаю, примолвила Вѣрочка.

— Что тутъ еще думать, радостно сказала Лизавета Ивановна, замѣтивъ поколебавшуюся рѣшимость Вѣрочки; я сказала, что не уйду отсюда, пока не получу рѣшительнаго твоего отвѣта. Выходи за Тремова, и я повторяю клятвенное свое обѣщаніе, что отказываюсь отъ Любеньки и Любаши!

— Хорошо, отвѣчала Вѣрочка твердо, я выйду за Якова Петровича, если папенька дастъ на то свое согласіе.

— Я писала объ этомъ мужу, онъ согласенъ, если нѣтъ препятствія съ твоей стороны. Одѣвайся же скорѣе, Вѣрочка, дай, я тебѣ помогу.

— Къ чему вамъ безпокоиться, я одѣнусь одна.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, я должна тебя сама свести внизъ, въ пріемную, я такъ обѣщала Якову Петровичу, онъ скоро пріѣдетъ за отвѣтомъ.

Лизавета Ивановна позвонила. Дуняша съ другою дѣвушкою взбѣжали по лѣстницѣ на антресоли. Дуняша держала передъ собою обѣими руками, только что вышедшее изъ-подъ утюга, бѣлое кисейное платье, въ которомъ взяли Вѣрочку изъ заведенія. Лизавета Ивановна, съ помощію обѣихъ горничныхъ живо вычесала и одѣла Вѣрочку, и всѣ спустились внизъ, идя въ одиночку по узкой лѣстницѣ. Вѣрочка открывала шествіе, приподнявъ руками платье. Лизавета Ивановна, забывъ свое обыкновеніе всходить и спускаться съ лѣстницъ не иначе, какъ съ помощію четырехъ дюжихъ рукъ, очень твердо шагала по ступенькамъ узкой лѣстницы, похожей на корабельный трапъ. Удовольствіе осѣняло черты ея и придавало легкость тучному ея тѣлу.

Каково же было удивленіе Вѣрочки, когда при входѣ въ гостиную она увидѣла Тремова, съ накрахмаленнымъ жабо и маншетами, какіе носились въ то время, спускавшимися на красные пальцы Якова Петровича, украшенные болѣе чѣмъ дюжиною перстней разныхъ величинъ.

Не говоря ни слова, Лизавета Ивановна подвела трепещущую Вѣрочку къ Якову Петровичу, вложила ея руку въ руку Тремова. Обрядъ обрученія начался и кончился; кольца, какъ видно, давно заказанныя, потому что носили на себѣ выгравированныя имена обрученныхъ, годъ, мѣсяцъ и даже число обрученія, были размѣнены между женихомъ и невѣстою.

Лизавета Ивановна, какъ видно, расчитала навѣрное на впечатлѣніе, какое произведутъ угрозы ея и увѣщанія на падчерицу.

Вѣрочка едва понимала, что происходитъ вокругъ нея, такъ быстро смѣнялись въ это утро одно событіе другимъ. Едва кончилось обрученіе, Яковъ Петровичъ, не давъ опомниться невѣстѣ, повезъ ее, въ сопровожденіи гувернантки Мери, по магазинамъ. Начались закупки, заказы, выборы шляпокъ, шалей, матерій, и проч. Тремовъ былъ достойный наперсникъ Перской. Они, какъ говорится, были ягоды одного поля. Все, что бросалось въ глаза, что было на виду, чѣмъ можно было похвастать и что можно было выставить на показъ, было закуплено.

Пріемныя комнаты новаго помѣщенія, которое готовилось для новобрачныхъ, убраны были роскошно, въ заднихъ же или домашнихъ комнатахъ, окна безъ шторъ, стулья безъ спинокъ, кресла безъ ручекъ, собраны были, какъ бдудто на покой по давно минувшимъ заслугамъ. Вѣрочкѣ не давали опомниться; она раза три побывала и у Любиньки, и у Любаши въ пансіонѣ, въ

продолженіе двухъ недѣль, тогда какъ прежде она ихъ видѣла только разъ въ цѣлый годъ.

Тремовъ цѣлыми корзинами свезъ фруктовъ и конфектовъ своимъ юнымъ сестрицамъ; и Любушка и Любаша, за корзинами съ лакомствами не разсмотрѣли и даже не замѣтили безобразіе любезнаго братца. Любушка разсматривала съ любопытствомъ его брелоки на часахъ, Любаша—перстни на пальцахъ. Бородавки братца какъ-то не очень имъ бросились въ глаза, не смотря на ихъ очевидность. Яковъ Петровичъ говорилъ правильно и звучно по-французски, книжнымъ, напыщеннымъ слогомъ по-русски, сопровождая свои рѣчи нѣсколько трагическими жестами классической школы и такою же интонаціей; мудрено ли, что онъ показался и Любенькѣ и Любашѣ умнымъ, начитаннымъ человѣкомъ. Однимъ словомъ, сестры Вѣрочки были въ восторгѣ отъ представленнаго имъ братца, и Вѣрочка радовалась результату знакомства своего жениха съ своими любимицами. Радость сестеръ была первою радостью бѣдной невѣсты послѣ ея рѣшимости соединить свою судьбу съ судьбою человѣка, къ которому она чувствовала явную антипатію.

Между тѣмъ, какъ Вѣрочкѣ не давали ни минуты опомниться, то примѣряя на нее шляпы и платья, то возя ее по магазинамъ и къ сестрамъ, а по вечерамъ по театрамъ, Константинъ Петровичъ, благополучно окончивъ дѣла, возвращался отъ Белтухиной, везя съ собою всѣ нужные документы, дѣлавшіе Лизавету Ивановну полною обладательницею половины огромнаго состоянія Белтухиной, раздѣленнаго по обѣщанію старушки совѣстливо и безпристрастно, на двѣ равныя доли между Перскимъ и Кремовой. Свершившаяся покража денегъ, какъ видно, не была замѣчена; она бы могла повлечь за собою новыя распоряженія старушки на счетъ своего наслѣдія.

Немало удивленъ былъ Перскій, заставъ у себя въ домѣ Якова Петровича Тремова, отрекомендованнаго ему женихомъ его дочери Вѣры. Хотя мачиха и говорила падчерицѣ, что писала о сватовствѣ Тремова мужу, но и въ этомъ случаѣ какъ во многихъ другихъ, Лизавета Ивановна солгала, ожидая гораздо большаго успѣха отъ нечаяннаго, личнаго представленія жениха, чѣмъ отъ письменныхъ переговоровъ съ мужемъ. Разсчетъ ея вполнѣ удался.

— Рекомендую тебѣ, мой другъ, нашего общаго знакомаго, Якова Петровича, сказала Лизавета Ивановна мужу, какъ только

тотъ успѣлъ поздороваться со всею семьею: рекомендую, какъ жениха и обрученнаго Вѣрочки.

Едва успѣла Лизавета Ивановна произнести эти слова, Вѣрочка въ смятеніи и страхѣ выскользнула незамѣтно изъ комнаты. Но уходъ ея не скрылся отъ рысьихъ глазъ мачихи. Пользуясь имъ, Лизавета Ивановна поспѣшила прибавить:

— Я не писала тебѣ объ этомъ, потому что съ часу на часъ ожидала твоего возвращенія; письмо мое могло прибыть въ Симбирскъ, когда ты могъ уже быть на возвратномъ пути въ Петербургъ.

— Благодарю за честь, сдѣланную моей дочери, сказалъ Перскій, обратясь къ Тремову, но безъ согласія ея я не могу принять васъ въ члены моего семейства.

— Она согласна и очень счастлива оказаннымъ ей предпочтеніемъ, подхватила Лизавета Ивановна.

— Я желаю самъ въ этомъ удостовѣриться, возразилъ Перскій и сталъ звать дочь. Вѣрочка снова вошла въ комнату.

— Подойди ко мнѣ, мой другъ, сказалъ отецъ, ласково взявъ руку дѣвушки и поцѣловавъ ее въ лобъ. Мнѣ говорятъ, что ты изъявила свое согласіе на предложеніе Якова Петровича; я желалъ бы слышать это отъ тебя самой. Ты согласна, мой другъ?

— Если и вы на то согласны, сказала Вѣрочка, читая въ глазахъ отца удовольствіе отъ услышанной имъ вѣсти; я готова исполнять во всемъ вашу волю.

Что грѣха таить, у Константина Петровича, послѣ словъ Вѣрочки, отлегло отъ сердца; онъ сомнѣвался въ согласіи дочери, разсматривая хотя и знакомое лицо Тремова, но всегда новое по своему оригинальному безобразію. Положеніе Тремова въ свѣтѣ и его извѣстное богатство льстили расчету отцовскому, и казалось, дѣйствительно обезпечивали если не счастіе Вѣрочки, то ея существованіе.

Едва совершилось бракосочетаніе и Вѣрочка перешла изъ дома отцовскаго въ домъ мужа, начались для нея совершенно новыя мученія. Тремовъ сталъ ревновать жену; но чтобъ ревновать надо было отыскать предметъ для ревности. Вѣрочка жила въ совершенномъ уединеніи, не посѣщая и не принимая никого. Тремовъ еще пуще бѣсился, что не къ кому ему приложить своей ревности, хотя самъ заперъ свою жену отъ всякихъ посѣтителей и не вывозилъ ее никуда. Въ прододженіе цѣлаго мѣсяца послѣ дня брака, Вѣрочка небыла даже въ отцов-

скомъ домѣ. Какъ же тутъ казалось рѣвновать, и къ кому? Но злое сердце во всемъ отыщетъ причину для мукъ своей жертвы.

Случалось, что Вѣрочка, для свадьбы которой было нашито множество нарядовъ, одѣнется съ нѣкоторою щеголеватостью и въ хорошенькомъ утреннемъ чепчикѣ, украшенномъ розовыми лентами, явится у стола къ утреннему чаю. Тремовъ, поцѣловавъ жену по обыкновенію съ нѣкоторою церемонностью, осматривалъ ее съ ногъ до головы и, поворачивая передъ собою, говорилъ:— «Гмъ! что это значитъ, Вѣра Константиновна, что вы такъ изукрасились сегодня? кажется вы особенно занялись своимъ туалетомъ.»

— Надо же носить, что у меня въ гардеробѣ, я полагаю, мои наряды съ тою цѣлью и сдѣланы, отвѣчала кротко молодая жена.

— Ну, да сознайтесь однако, что не для *меня* же вы надѣли ваши розовые банты? Развѣ жены помышляютъ о мужьяхъ, когда имъ придетъ мысль нарядиться? Я такъ этого не думаю, и прошу васъ возвратиться въ вашу комнату, снять всѣ лишнія украшенія, и помнить, что *мнѣ* вы нравитесь гораздо больше въ простомъ нарядѣ. Ступайте же, *ma chére*, я жду васъ пить чай въ самомъ простомъ пеньюарѣ.

И Вѣрочка безпрекословно уходила, снимала съ себя платье, кокетливый чепчикъ и всѣ маленькія женскія украшенія, и снова являлась къ чаю въ простой блузѣ, изъ которой не выходила до новаго каприза Якова Петровича.

Черезъ пять, шесть дней, у чайнаго стола возобновлялся разговоръ въ томъ же родѣ, но съ варіантомъ на изворотъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS